Часть 1

Тимка

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет,
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.

А.С. Пушкин

— Тимка! — зовет отец, запрягая лохматую лошаденку, поправляет оглоблю, затягивает постромки. — Тимка!

Пятилетний Тимка бежит к отцу, позабыв в лужице маленький кораблик с бумажным парусом на мачте из щепки.

Отец у Тимки охотник, у него тульская охотничья винтовка и нож охотничий самодельный с костяной рукоятью, такой острый, что режет дерево как масло, лезвие широкое с голубоватым отливом, глядеться в него можно как в зеркало. О таком ноже все лето мечтал Тимка, но отец подарил ему маленький перочинный ножичек. Рано, говорит, тебе, пострел, еще быхахом[1] играть… поранишься. Вот подрастешь, смастерю тебе нож не хуже этого, рукоять из бивня мамонта сделаю, нарочно сам за ним схожу в тундру. Тимка вздыхает, когда это еще он подрастет и сколько еще ждать? Очень уж ему хочется иметь нож с рукоятью из бивня мамонта… Ни у кого из мальчишек такого ножа нет.

Но и то хорошо — первый раз берет его отец с собой в тайгу. Мать не хотела пускать, но отец сказал: кем же ты хочешь, чтоб он вырос? Неженкой, белоручкой, или мужчиной? И мать послушала, отпустила… А Тимке с отцом ничего не страшно… У отца и нож, и винтовка; не раз ходил он в тайгу — родом из здешних мест, сорок медведей добыл своими руками, а уж мелкого зверя — без счету. А прошлой осенью вернулся из тайги с полным возом диких гусей. Всю зиму их ели… Так что после Тимка на мясо смотреть не мог, о хлебе мечтал… Да только плохо было в то время с хлебом. И до Германской было тяжело, а уж Гражданская и вовсе натворила дел… Сухарика не найти, не достать… А дичи в тайге, по берегам Лены — сколько хочешь, чуть в сторону отойти от Якутска — места безлюдные, таежные, дикие… Раздолье охотнику.

Задремал Тимка в телеге, на жесткой соломе, под отцовским кафтаном, укачала его ухабистая дорога под скрип колес. Проснулся, когда уже подъезжали к поселку. Деревянные домики рассыпались по берегу над обрывом. Невысокие стены из тонких бревен обмазаны глиной, низкие двускатные крыши крыты корой и дерном.

Заночевали в избенке, а наутро, чуть свет — к реке. Раскинулась широко Елю-Эне, множество островов в ее русле. По берегам леса непроходимые, звериными тропами пронизаны. Отец кинул в лодку невод из конского волоса, сверху усадил Тимку, толкнул от берега, держась за борта, впрыгнул сам — лодка дернулась и заскользила, покачиваясь, по серебряной глади. Тишина кругом, Тимке слышно, как его маленькое сердечко бьется. Вот и начинают сбываться мечты — взял его отец с собой на реку. То-то еще будет… Свежестью пахнет река. Белая ночь разлилась по небу. На веслах дошли до ближнего острова, пристали в песчаной заводи. Отец высадил Тимку на берег, а сам вбил в прибрежное дно арканный кол, сел в лодку и, правя против течения, стал закидывать в воду невод. Сделав небольшой круг, вернулся к берегу, потянул невод. Вдруг плеснуло, побежали круги по воде — и на мелководье, прямо к Тимкиным ногам скользнула черная тень. Тимка схватил ее руками, прижал сверху, а та ударила хвостом, окатив его ледяными брызгами. Крепко держит Тимка, не отпускает, изо всех сил бьется сильная рыба. Чувствует Тимка под стынущими пальцами напряжение жизни и еще крепче сжимает руки…

— Молодец, сынок! — подбадривает отец и, вытянув невод, спешит на помощь.

И вот уже щука на берегу. Килограмма два в ней, не меньше. Тимка гордо вышагивает вокруг. Поглядывает на воду — не приплывет ли еще...

— Теперь ты настоящий мужчина! — говорит отец.

В сети запутались щука поменьше, ряпушка и пара окуней. Отец набрал елового топляка, разжег костер, зачерпнул котелком воды из реки — будет уха. Оста-

---

[1] *Быхах (якутский нож) — небольшой нож, 12-18 см, хвостовик 5-7 см, насаживается в рукоять, сделанную из березового корня.*

вил Тимку следить за огнем, сам взял винтовку, пошел вдоль берега. Нет стрелка лучше Тимкиного отца, в глаз белки попадет со ста шагов. Он и мамку Тимкину обучил стрельбе, да так, что равных ей не находилось среди мастеров. А сам ни за что не соглашался участвовать в состязаниях. Вот еще, говорил, свинец и порох зря тратить… Услышал Тимка: грохнуло два раза. Вскоре отец вернулся, двух гусей принес.

— Пойдем, — говорит он Тимке, — покажу тебе что-то...

Подкинули топляка в костер. Иссушенный ветрами и солнцем, он вспыхивает словно порох. Отец ведет Тимку вглубь острова. Осторожно ступает, приминая высокую траву. Тимка идет следом. Посреди поляны огромное старое дерево. Кора исцарапана отметинами косолапого, а макушки и не различить — так высоко. Вокруг ствола подлесок и трава вытоптаны, сучья собраны. Нижние ветви украшены цветными лентами и фигурками из дерева и соломы.

— Что это? — спрашивает Тимка.

— Это Кудук — священное дерево, дух тайги, покровитель охоты, — отвечает отец. — Все звери и птицы приходят сюда по неведомому зову. И люди знают о нем издревле, приносят дары и просят духа о помощи, кому что: удачной охоты, достатка в хозяйстве, победы над соперником… Но если вышел на охоту для забавы, то сторонись его — беды не миновать...

— А можно я подарю ему… мою щуку? — спрашивает Тимка.

— Можно. — Отец улыбается. — Только не настоящую. Вот тебе щепка, вырежи сам и прикрепи на ветку… Где бы ты ни был… в трудную минуту позови духа тайги, он вспомнит твой дар и придет на помощь…

Вернулись той же тропой. Вода в котелке кипит. Отец, ловко орудуя ножом, разделал рыбу. Тимка проголодался, но терпеливо ждет, вырезает из щепки фигурку, а получается кораблик, только мачты и паруса не хватает. Приставил Тимка другую щепку, вышла мачта, наколол опавший лист, вот и парус… Наконец, отец зовет его. Получив деревянную ложку, Тимка черпает наваристую уху прямо из котелка.

Пора возвращаться. Холодно сверкает на горизонте низкое солнце. Берег острова закрывает сильная спина отца. Тимка сидит на носу лодки, а в памяти добытая щука — первая большая победа.

Однажды ночью проснулся Тимка. Громкий стук в окно, барабанят в дверь. Отец снял винтовку со стены: «Кто там?» В ответ: «Открывайте…». Тимка видел: отец поник, опустил винтовку, отодвинул засов. Четверо в кожаных плащах ввалились в прихожую, по-хозяйски оглядели жилище, затопали сапожищами по комнатам. Мамка увела Тимку в спальню, дверь прикрыла, велела сидеть тихо. Сквозь щелку видел Тимка: отец сидит понуро, мать собирает ему в дорогу, а чужаки роются в столах, вытряхивают книги, щупают мебель. Обидно стало Тимке за папку. Не понимает он, что случилось. У папки вон какая винтовка, а у чужаков только маузеры в деревянных коробках. Да если б папка захотел, он бы их всех победил, не дал бы тут хозяйничать. Почему не зовет на помощь могучего духа тайги?..

Потом только узнал Тимка от деда, что отец его первым из северного народа получил высшее образование, стал учителем, вернулся в родные края с молодой женой — дочерью знаменитого на всю страну ученого, — и написал учебник на якутском языке. За это ли, или за что другое… за правду ли, которую не боялся он говорить любому в глаза, за прямоту ли характера, за те знания, которые нес он простым людям, или из черной зависти, — обвинили его в измене... Не бывало

навета страшней во все времена. Вот и пришли за ним холодной ночью, и увели неведомо куда… А наутро соседские мальчишки уже дразнили Тимку «врагом народа» и бросались в него мелкими камушками. Даже лучший друг сторонился его. Сказал, мамка строго-настрого запретила дружить с Тимкой, тер распухшее малиновое ухо…

Плакал Тимка от обиды. Ведь его папка самый лучший, почему же этого никто не понимает… Дрался он с мальчишками из-за отца, домой приходил с расквашенным носом, но никогда не сдавался… А мамка, в страхе за детей, правдами-неправдами исправила в паспорте одну букву фамилии, наскоро собрала вещи, схватила Тимку и маленькую его сестренку в охапку и — на пристань. Речным пароходом вверх по течению Лены, к железной дороге, в Москву — там дедова вотчина, многолюдье, там спасение…

В дороге вышла история. На одном полустанке чуть отвернулась мама, Тимке только того и надобно. Пошел гулять по рельсам… Хорошо — чья-то добрая рука успела выхватить его из-под мчащегося на полном ходу встречного поезда…

А в Москве нет таких лесов, как в Якутии, и река против Лены — ручей, и дома повсюду словно горы высоченные, а народищу… Столько Тимка нигде раньше не видывал. Под землей поезда шумят, по проспектам автомобили катят, дудят клаксонами… Есть чему подивиться. Трамваи рогатыми лосями по рельсам бегут, позванивают… Живет Тимка с мамкой теперь в большой дедовой квартире в многоэтажном доме на Октябрьской улице, возле театра, тут и парк рядом, и пруды, и цирк… Сколько всего интересного! На манеже дрессированные слоны и тигры, зебры и львы, развеселые клоуны и акробаты… А Тимке пора в школу. Как-то он сможет учиться?.. Дед в золоченом пенсне, с аккуратной седой бородкой, попыхивая трубкой, по вечерам занимается с ним правописанием и арифметикой. Смышлен Тимка, все схватывает на лету, так что к осени держит экзамен в третий класс.

А как исполнилось Тимке десять лет, мама договорилась с проводницей, купила билет, посадила его на поезд и отправила в Ялту к Тимкиной тете. Счастлив Тимка, впервые в жизни он увидит море.

Поезд мчится — черный дым из паровозной трубы стелется, — а то плетется еле-еле, стоит подолгу на станциях и полустанках… Внутри жара, духотища, одно спасение — выйти, подышать в тенечке на перроне… А там бойко идет торговля. Первое время к поезду несли яблоки да груши, потом, чем дальше на юг, дыни и арбузы, пироги с рыбой, а то и вареных раков… Не пропадешь, все недорого... Тимка налопался раков с вареной картошкой и завалился на верхнюю полку… Пролетели леса, кончились бескрайние степи, потянулись вторые сутки пути, а наутро из окошка вагона Тимка увидел сверкнувшую за деревьями гладь. С горы видно далеко-далеко, и нет конца-края изумрудному морю, корабли стоят у причала, четвероногие мачты портовых кранов, катера бегут по волнам, силуэты пароходов вдали… Кажется Тимке, вот еще чуточку повыше забраться, и различил бы на горизонте другой берег, но как ни всматривался, приникнув к мутному стеклу вагона — все напрасно…

Тимка с вокзала шагает на пристань. Теплоход «Крым» идет из Севастополя в Ялту. Под безоблачным лазоревым небом раскинулись укрытые лесами зеленые горы, белый город лежит на прибрежных холмах; а на рейде, щетинясь стволами орудий, высится линкор «Парижская коммуна», матросы моют палубу, струи воды сверкают в утреннем солнце.

Тимка сразу влюбился в море. Целыми днями пропадает он на берегу. Ныряет

с пирса, загорает на песке, играет с мальчишками, а по вечерам бегает к Массандре встречать заходившие в торговый порт белоснежные испанские сухогрузы. На берег выгружали фрукты: апельсины, гранаты, лимоны… До глубокой ночи стояли суда у причалов, а в темноте на борт поднимали тяжелые зачехленные грузы, люди шептались — танки. С рассветом дымы пароходов уже виднелись на горизонте. Не было тогда у мальчишек мечты заветнее, чем тайно пробраться на корабль, уходящий в объятую пожаром войны Испанию, и отправиться в опасное плаванье на помощь легендарному комбригу Листеру…

Тетя Женя работала в порту. Тимка упросил тетю устроить его на пассажирский теплоход юнгой.

— Куда, оглашенный? На корабль?.. Ни за что! — не соглашалась сперва тетя Женя. — Свалишься за борт… Что я твоей матери скажу? И думать забудь!..

Но Тимка настоял-таки на своем.

Договорились с капитаном, и стал Тимка ходить от Ялты до Алушты на пароходе «Мыс Дооб». Матросов хватало, так что Тимке не приходилось драить палубу, а иногда при спокойной воде ему даже разрешали «порулить». Тимка был страшно горд, наконец-то он, как отважный капитан, стоит на мостике и правит настоящим кораблем.

Вернувшись в Москву, он не мыслил о другой жизни. Повезло, что мама — известная спортсменка, чемпионка страны по стрельбе — увлеклась водно-моторным спортом, гоняла на глиссерах в клубе имени Баранова.

— Хочешь, возьму тебя с собой в клуб? — спросила она однажды.

А Тимку и спрашивать не надо. Он готов хоть сейчас ехать. Еле дождался обещанного дня.

На выходные отправились в Зеленую гавань на Клязьминское водохранилище. А там целый парусный флот! В просторных бухтах пришвартованы яхты, катера, швертботы[2]... Конечно, это не линкоры, не океанские сухогрузы, но от вида парусов Тимка затрепетал. Мать потянула его к быстроходным глиссерам, а он никак не мог оторвать взгляда от яхт. Не мир моторов и скорость влекли его, а ветер и паруса…

Наконец мальчишку, слонявшегося целыми днями по берегу возле яхт, приметили.

— Нравятся яхты? — как-то раз спросили с одной из них.

Тимка кивнул.

— Прокатиться хочешь?

У Тимы от восторга перехватило дыхание. Хочет ли он прокатиться? Да что спрашивать? Конечно!

— Прыгай на борт.

Тимка со всех ног бежит по шаткому мостку, миг — и он на судне. Там еще два матроса. Загорелые, сильные, веселые.

— Поднять якорь! — командует командир.

Ветер наполняет паруса, командир на корме у румпеля, правит мимо других швертботов на широкую воду… А вдоль берега «сверлят» веслами байдарочники, «роют воду» гребцы каноэ… Солнце сияет, весело переливается рябь на воде…

Тимка от счастья позабыл все на свете. Яхта идет быстро, почти бесшумно, только слышен плеск волны за бортом. Берег все дальше. Чайки кружат над мачтой.

---

[2]*Швертбот — тип конструкции парусной яхты.*

— Спинакер[3]! — слышится команда.

Огромный пузырь надувается впереди яхты, и кажется Тимке, что они взлетают над волнами.

Командира зовут Георгий Алексеевич, или просто дядя Жора. Его Р-45 «Моряна» — самая быстроходная яхта в клубе.

— Тебя как звать? — спрашивает он Тимку.

— Тимир.

— Ишь ты, Тимир, почти Тимур… И откуда будешь, Тимир?

Тимке хотелось рассказать, как они с отцом ходили на охоту в тайгу, ловили неводом рыбу, как видели священное дерево Кудук… но разве все сразу расскажешь, и он ответил просто:

— Из Москвы…

— Нравятся, значит, яхты… Ладно… приходи завтра, выдадим тебе швертбот. Гоняй сколько хочешь!..

Тимка счастлив. На следующий день, с рассвета он на берегу. Дядя Жора ведет его к Ш-10 — маленькой одноместной яхте. Букву «Ш» Тимка расшифровал как швертбот, а вот что означает «10» решил спросить.

— Это площадь парусности, — объясняет дядя Жора. — На этой десять метров, а на моей «Моряне» один спинакер — сорок, не меньше. Ну, где нос, где корма, ты, должно быть, знаешь… посередке — кокпит, на мачте — парус… Давай-ка, пробуй!..

Сколько раз окунулся Тимка в воду тем днем, он и сосчитать не мог. Непросто управиться с шаткой посудиной, с капризным парусом. Но с тех пор все свободное время пропадал в яхт-клубе.

Дядя Жора преподавал в школе яхтенных рулевых. Туда и пошел учиться Тимка. Решил: нет ничего интересней на свете, чем парусные гонки... Думал ли, что судьба навсегда свяжет его с парусом?..

Там узнал Тимка, что история парусного судоходства насчитывает свыше пяти тысяч лет. Еще в древности египтяне конструировали паруса и корпуса судов из папируса. Корабли строили из связанных папирусных пачек, самые толстые из них располагали снаружи. Такие плоты и суда используют в Восточной Африке, в Персидском заливе и в Южной Америке по сей день.

Лучшими мореходами и судостроителями второго тысячелетия до нашей эры считались финикияне. Знаменитый ливанский кедр, покрывавший склоны гор на побережье Средиземного моря, служил для строительства надежных мореходных судов.

Сыны Поднебесной придумали сворачивающийся парус на рейках и первыми научились идти по морю против ветра. Китайские купцы уже в десятом веке доплывали до Африки на своих джонках. А в 1405–1433 годах впечатляющая флотилия из трехсот семнадцати джонок под командованием флотоводца Чжэн Хэ прошла Тихий и Индийский океаны и посетила более тридцати стран и островов.

Кораблям китайцев в ту пору не было равных. Флагманская джонка Чжэн Хэ несла девять мачт и множество парусов, в то время как в Европе только-только начали строить трехмачтовые корабли. А если говорить о размерах, то рядом с этой джонкой каравеллы Колумба и Магеллана показались бы игрушечными — двадцать пять метров в длину против пятидесяти пяти!

Персидские историки упоминают о появлении русов на Каспийском море око-

---

[3]*Спинакер — дополнительный парус большой площади, устанавливаемый при слабом ветре перед мачтой.*

ло 880 г. В 913-914 годах русы вновь появились на Каспии на пятистах судах, по сто человек в каждом. В Черном море русы проложили водную дорогу в Константинополь, а само море называлось Русским. На Белом море поморы на парусных кочах с двенадцатого века навещали полярные земли и острова, достигали архипелага Шпицберген. Купцы Новгородские исстари ходили в ладьях под парусами.

В 1718 году Петр I учредил в Петербурге «Потомственный Невский флот» — прообраз всех современных яхт-клубов. «Для увеселения народа, наипаче же для лучшего обучения и искусства по водам и смелости в плавании».

Царь запретил строить мосты в новой столице, повелев жителям переправляться через Неву на лодках, и если дует ветер, то не иначе, как под парусами, «чтобы всяких чинов люди, которые в Санкт-Петербурге обитаются, во время ветра ездили Невою-рекою на судах с парусами, под штрафом».

Специальным указом Петр повелел заниматься парусным спортом не только адмиралам, корабельным мастерам и врачам, но и сановникам, архиереям и монахам. Для этого он бесплатно роздал им в вечное и потомственное владение полторы сотни парусников, не считая гребных лодок-вереек и буеров. Запретив использовать эти суда для перевозки грузов и каких-либо иных надобностей, «ибо сии суды даны, дабы их употребляли так, как на сухом пути кареты и коляски, а не как навозные телеги».

Все они были построены на специально созданной для этого «Партикулярной верфи». А во главе Невского флота Петр поставил своего лучшего морехода — тайного советника Ивана Потемкина, прозванного «невским адмиралом».

В 1875 году мастерские Санкт-Петербургского Речного яхт-клуба построили первый в России буер «Метель». А в 1912 году Российский парусный гоночный союз получил право на участие в олимпийских гонках в Стокгольме. Одна из пяти русских яхт — десятиметровая «Галлия-II» — вернулась в Петербург с бронзовой медалью.

К началу 1940-х годов парусным спортом занимались тысячи спортсменов. Появилось множество яхт: килевые крейсерско-гоночные яхты классов Л-45, Л-60 и Л-100, швертботы для озерного и прибрежного морского плавания класса М-20, речные гоночные швертботы классов Р-20, Р-30 и Р-45, швертботы-одиночки класса Ш-10. Все эти суда были сконструированы и построены на отечественных верфях.

Вместе с историей узнавал Тимка и новые морские термины. Все тут называлось по-своему: не лодка, а швертбот, не крепления, а «такелаж», не перекладины, а «рангоут», не просто парус, а «грот» и «стаксель»…

Над новичками, как водится, подшучивали. Просили, например, залить воду в щель швертового колодца. Но Тиму не проведешь, он-то уже знает, что щель сквозная, а в ней «ходит» шверт, заменяющий небольшим яхтам киль.

Тимка учился «вооружать» и «разоружать» яхту, постигал науку «видеть» и «ловить» ветер, ставить паруса под нужным углом, лавировать, совершать повороты, не сталкиваясь с другими яхтами. И снова новые слова: фордевинд[4], оверштаг[5], бейдевинд[6], рельеф дна, лоция...

Матросом на «речнике» ходил он в далекие походы на Икшу и Пестово. С привалами, рыбалкой и ночевками у костра. На обратном пути заступал Тимка ру-

---

[4]*Фордевинд — попутный ветер, дующий прямо в корму.*

[5]*Оверштаг — поворот судна через линию ветра.*

[6]*Бейдевинд — курс яхты под острым углом к ветру.*

левым. С каждым разом все послушнее становилась яхта. Все уверенней правил юный капитан.

А после занятий звучали песни и стихи о парусах и дальних странствиях. Все мальчишки мечтали о кругосветных путешествиях, наизусть знали маршруты легендарных мореплавателей: Магеллана и Колумба, Васко да Гамы и Джеймса Кука.

Дядя Жора показывал американские и немецкие журналы о парусном спорте. Рассказывал о всемирно известных гонках крейсерских яхт «Кубок Америки». О том, как в 1851 году Джон К. Стивенс — командор и основатель нью-йоркского яхт-клуба, — принял вызов графа Уилтона, адмирала британской Королевской эскадры, и выиграл «Кубок 100 гиней» на шхуне «America». О легендарном конструкторе Натаниэле Херешоффе — создателе огромных яхт, имевших два штурвала, о красавице «Reliance», самой знаменитой его работе — длина по ватерлинии[7] у нее была восемьдесят девять футов, а полная длина корпуса — почти сто сорок четыре фута[8]! О том, что страна, чье судно одержит победу в кубке Америки, неофициально признается ведущей парусной державой мира…

Раскрыв рты, слушали его мальчишки…

А Тимка решил непременно сконструировать яхту, которая победит на кубке Америки, прославит его на весь мир, и тогда сам «всесоюзный староста» товарищ Калинин вручит ему в Кремле награду...

Опережая события, расскажем, что он действительно построит яхту для участия в розыгрыше знаменитого кубка. Случится это в конце 1980-х на ракетном заводе в Хотьково. Яхту назовут «Варяг» и на могучем «Руслане» перенесут через океан. Где же сейчас эта яхта? Она находится в музее американского военно-морского флота в Сан-Диего. На почетном месте. Величественный парусник с корпусом алого цвета и большим изображением серпа и молота…

Незаметно пролетело время учебы. Наступило лето. В июне 1941 года Тимка успешно держит экзамен — теперь он яхтенный рулевой второго класса.

А уже 22 июня на Клязьменском водохранилище состоялись гонки с пересадкой — чемпионат Москвы. Тимка готовился, целыми днями отрабатывал повороты и лавировки. Для него это первый большой старт. Тут победа зависит не столько от судна, сколько от мастерства спортсмена, шансы уравнены, главное — верная тактика. Победитель определяется по итогам нескольких гонок. По правилам каждый участник в очередной гонке пересаживался на яхту, на которой до этого выступал кто-то из его соперников. Сорок участников. Долго можно гоняться…

Успели провести две гонки. Лидировал Алексей Наумов — лучший гонщик в клубе, веселый парень, балагур.

Вдруг на берег выбежал директор клуба, сам не свой, размахивает руками, кричит в рупор:

— Остановить гонки!..

— Что случилось? Почему?

— Война!.. Молотов выступает по радио…

К войне готовились, ее ждали, уже не первый год полыхало зарево над Европой, но верили: побоится Гитлер напасть на такую громадину, как Советский Союз — одна шестая часть суши все-таки, а народу сколько… заводов, а мудрый вождь… и тут — вот оно…

---

[7] *Ватерлиния — черта, по которую судно углубляется в воду.*

[8] *Фут — 30,48 см или 12 дюймов.*

Прервали соревнования. Собрались у приемника слушать речь Молотова. Тимка улавливал только обрывки фраз, так был увлечен гонками, не понимал, что же случилось. «…Атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов… Убито и ранено более двухсот человек… — доносилось из репродуктора. — …Дан приказ — изгнать германские войска с территории нашей родины… Доблестные армия и флот и смелые соколы… Долг перед родиной… Нанесут сокрушительный удар агрессору… — Ну, сейчас зададут этим фрицам, — думал Тимка, — только держись. — …Еще теснее сплотить ряды вокруг нашей славной большевистской партии… Вокруг нашего великого вождя товарища Сталина…»

Кончилось обращение. Только репродуктор потрескивает.

И тут Лешка Наумов первым встрепенулся и крикнул:

— Назло Гитлеру догоняемся! Айда на воду!..

И догонялись. Еще семь гонок успели провести до вечера. Наумов тогда и победил. Получая кубок, тряс рыжим чубом, грозил кулаком заходящему солнцу:

— Ну, держитесь, фашисты! Не поздоровится теперь Гитлеру!.. Да здравствует наш великий вождь товарищ Сталин!..

В первый же день войны была объявлена всеобщая мобилизация. Ушел на фронт и дядя Жора, стал полковником артиллерии. Многие яхтсмены работали на предприятиях, связанных с обороной, другие воевали на катерах. В осажденном Ленинграде яхтсмены-буеристы участвовали в создании Дороги жизни на Ладожском озере и в организации дозорной службы и связи между сигнально-наблюдательными постами на льду Финского залива... Клуб опустел. Целый флот сиротливо стоял у причала — бери любую яхту и гоняйся. Остались мальчишки по 14-15 лет, среди них и Тимка. Шла война, а мальчишки выбирали яхты. Казалось война далеко… Еще чуть-чуть и погонят Гитлера восвояси. Но тревожные приходили вести...

А в ночь на 22 июля, ровно через месяц после начала войны, над Москвой завыли сирены, лучи прожекторов заметались по черному небу, гулом наполнился воздух, забухали зенитки…

Тимка вскочил с постели.

— Тима!.. Скорее! — кричит мама, подхватывая на руки Тимкину сестренку.

Хлопает дверь, они бегут вниз по лестнице... В окнах лестничных пролетов мелькает далекое зарево, грохочет со стороны Кремля… Люди выскакивают из квартир, наспех одетые, перепуганные… Этажом ниже соседка Зинаида Николаевна мечется в дверях, торопит мужа:

— Быстрей, быстрей, брось все!..

— Да подожди ты, дай я хоть штаны надену… Не могу же я без штанов!..

— Иди в халате, Сева… Какие штаны!..

Земля дрожит...

На следующий день во дворе только и разговору:

— Слыхали? Кремль разбомбили!

— Как Кремль?! Не может быть!..

— Цел Кремль… — успокаивает дворник. — Я утречком специально ходил смотреть… Говорят, четвертьтонка попала в Георгиевский, пробила крышу, дошла до полу, но не взорвалась, раскололась на части…

— А верно, что на Арбате всех поубивало?..

— Да не всех… Чего зря пугать. Дома порушило, это верно. Целый квартал,

домов под двадцать, ежли не больше — подчистую, в труху и крошку… Ну и людей, конечно, кто остался…

— А я слыхала, всех, кто в метро спустился — затопило водой…

— Пустое говорят... Откачали воду-то… помпами… А перегон точно разбомбили между «Арбатской» и «Смоленской». Поезда не ходят — это факт. И водопровод тоже, и газ… Там неглубокая ветка проходит… — Дворник сокрушенно вздыхает. — Бомбы у немца серьезные…

Линия фронта катилась к Москве. К осени начали прибывать войска. По улицам грохотали танки, катили грузовики, проплывали огромные цилиндры дирижаблей и зачехленные «Катюши». Тимка не отрываясь глядел в окно. Вона какая силища, думал он, разве может такое случиться, чтобы не побили Гитлера?

А как-то вечером Тимка пришел домой, видит, у матери на глазах слезы, в руке конверт:

— Тима, от папки письмо пришло...

— От папки?!

Тимка бежит к матери, выхватывает конверт.

— Отец жив! Воюет в штрафном батальоне… Снайпер…

«Жив папка, геройски сражается, — радуется Тимка, —значит, мы обязательно победим. Эх, ему бы винтовку получше, да увидеть Гитлера в прицел, уж он не промахнется — и конец войне»…

Передний край оборонительного пояса Москвы проходил по линии Клязьминского водохранилища. Гражданские рыли противотанковые рвы, насыпали эскарпы[9], строили доты и дзоты… С вооружением было плохо. На позиции завозили английские пулеметы Хайрама, брошенные английским экспедиционным корпусом еще в далеком 1919 году в Мурманске. Солдаты их очень ругали за непомерную тяжесть. Одна станина на треноге весила больше пятидесяти килограммов. Таскать их на себе по осенней хляби — занятие не из приятных. Тимка развозил «Хирамы» на морском швертботе и был счастлив, что не пришлось расставаться с парусом. За это еще и кормили, а в то голодное время каша и тушенка были совсем не лишними...

Рядом с позициями полигон, где пристреливали и проверяли пролежавшее долго на складах иностранное оружие. Там Тимка настрелялся из «Хирамов» вдоволь. Случилось это так. Как-то раз на очередной погрузке к нему подошел молодцеватый майор.

— Твоя яхта? — спрашивает.

— Яхта клуба, а хожу я, — отвечает Тимка.

— Значит, ты капитан?

— Не капитан… Командир.

— Скажи пожалуйста… командир. Ну а что, командир, пострелять хочешь?..

— Смотря из чего…

— Ты глянь, еще выбирает… Ну, например, пулемет… Сгодится?

— Подходяще… — важничает Тимка.

Капитан мнет фуражку.

— Только вот что, я тебе помогу, а ты мне…

— А что надо?

— Прокатить на яхте сможешь?

— Можно…

---

[9] *Эскарп — крутой внутренний откос рва.*

— Вот и договорились… Приходи на стрельбище. Я там комендант. Мне как раз помощник нужен, вроде тебя… А на закате будь здесь…

Как условились, вечером Тимка ждет. Глядит, выходит из рощицы его майор, да не один, а с сержантом, а сержант — женщина… Так вот оно что — свидание… Ну, усаживайтесь… Выправил Тимка из гавани, дал широкий круг по озеру, хоть и война, а от любви никуда не денешься…

В середине августа в «Парке культуры» устроили выставку сбитых германских самолетов... Вся Москва ходила смотреть. Ходил и Тимка. Глядя на искореженные «Юнкерсы» и «Мессершмитты», гордо думал, что это дяди Жоры работа… Кого ж еще? Рядом были выставлены витрины с фотографиями летчиков, зенитчиков, бойцов истребительных батальонов, пожарников. Тимка высматривал на фотографиях дядю Жору, но к удивлению так и не нашел… Подумал, видно не доехал фотокорреспондент до дяди Жоры. Или не застал, разминулись… Вон ведь что творится: что ни день — налеты, канонада, бомбежка, в Лаврушинском переулке разбомбило несколько домов, в Соймоновском проезде тоже, у Никитских ворот ухнула тонная бомба, повалила памятник Тимирязеву…

А невдалеке от Тимкиного дома, на площади перед театром Советской Армии «врылась» в землю зенитная батарея… «Гнезда» обложены мешками с песком. Москва ощетинилась зенитками. Они и возле Большого театра, и у планетария, и у всесоюзной выставки… и на крыше Тимкиного дома батарея…

Готовились к уличным боям. Ставили противотанковые ежи и надолбы, баррикадировали проспекты, вывозили заводы, минировали метрополитен… Повсюду только и разговоров: эвакуация, эвакуация! Немцы в Клину, немцы в Подольске!.. Со дня на день штурм!.. Но пришли сибирские полки, ударили сибирские морозы — погнали немцев… Москвичи облегченно вздохнули. В Екатерининском саду залили катки. Всю зиму катался Тимка на коньках.

А весной он опять в яхт-клубе. Сразу видно, тут было жарко, немцы трех километров не дошли до Зеленой гавани — берега изрыты траншеями и воронками, на льду обгорелый остов самолета, из-под талого снега тут и там выглядывают неразорвавшиеся снаряды, стреляные гильзы…

Тимка нашел в снегу гранату, повернул рукоять — щелчок.

— Бросай! — кричат ему.

Бросил что было сил в сторону, граната стукнулась об лед и осталась лежать... Заржавела, видно, за зиму под снегом...

И Пашка Левин тоже нашел. Только бросил недалеко. Взрывом ранило его и еще двух ребят.

А Володька Лаврентьев отличился. Выкопал из сугроба бутылку с зажигательной смесью, хотел швырнуть, махнул над головой и пролил себе на спину. Тут же запылал. Упал, катается по снегу, кричит:

— Песку!

Присыпали землей, потушили, телогрейка только обгорела.

Зашли в бытовку, а там кто-то возьми и отряхни ему спину. Мол, что это ты такой грязный?.. Володька опять вспыхнул… Пламя по спине бежит... Чуть пожара не наделал, а телогрейки все же лишился.

Несмотря на войну, соревнования не прекращались. В 1942 году Тимка выиграл чемпионат Москвы среди взрослых в классе «М» — морской швертбот. «Эмка» стала тогда самым распространенным классом, у нее было все: грот, стаксель, спинакер, экипаж из трех человек. Делали ее на Таллинской и Ленинградской верфях.

Забегая вперед, скажем, что много позже, в начале 1970-х «Эмку» заменит «Темпест». Только вместо шверта у него появится киль, вместо трех человек со всеми снастями будут управляться двое…

Потом были победы в 1943, 1944.

— Как тебе удается все время выигрывать? — спрашивали товарищи.

— А мне дух тайги помогает, — отшучивался Тимка. — Я с ним еще в детстве подружился.

Но главный Тимкин секрет — удачный старт. Часто именно он обеспечивал ему победу в гонке.

У яхтсменов линия на воде не очерчена, это не байдарки, нет стартовых плотиков. Обозначен лишь створ между двумя знаками шириной несколько десятков метров. В зависимости от силы и направления ветра стартовать выгодно у верхнего или у нижнего знака. Все стремятся занять лучшее положение, ведь лидером становится тот, кто ловит «чистый» ветер. Остальным достается «отработанный» — из парусов соперника. Поэтому надо так рассчитать время, чтобы яхта оказалась у намеченного знака в нужный момент и на высокой скорости…

А в 1944 Тимир уже участвовал во всесоюзных соревнованиях в Нижнем Новгороде, в то время — город Горький. Поехали большой командой сборной Москвы. Капитаном был Алексей Петров, инженер-авиаконструктор. Яхты погрузили и отправили теплоходом «Ломоносов». А сами — семь часов на поезде, и вот он славный град! И Ока здесь, и Волга, и кремль Новгородский.

Поселились в спортшколе на берегу возле леса и сразу на реку, изучать местность, где мели, где течения… Пока дождались теплохода, на котором везли яхты, разобрали лоцию до мельчайших деталей. Потом начались тренировки.

Тимка всегда верил, что яхта, как живое существо, — за обиду может отомстить. Не раз он видел, как рвались снасти на неухоженных судах — так они мстили нерадивым хозяевам. Поэтому сам он всегда относился к яхте с большим вниманием. Чистил, смазывал, красил. Ведь настоящий яхтсмен должен быть не только азартным гонщиком, но и маляром и плотником, и слесарем и даже портным. Каждая деталь, каждая дощечка на судне знала и помнила тепло его рук. Может быть, и в этом крылась причина его побед?

А накануне гонки угостили их радушные хозяева вкуснейшим суфле к чаю, целое ведро, на всю команду хватило с лихвой. Все и смолотили в один момент. А под утро началось… Пора на старт, а команда сидит рядами на опушке, только мальчишечьи филеи, словно капустные кочаны, белеют на утреннем солнце.

Кое-как добрались до берега. Снарядили яхты, стартовали. Хорошо шкотовым — они почти всю гонку висят за бортом. Рулевым тяжелее…

Ходить по реке — это совсем не то, что по озеру. Тут большую роль играет течение. Оно везде имеет разную силу, увеличивается на плёсах, где глубоко, и уменьшается на перекатах. А еще вдоль русла реки встречаются коварные воронки — винтообразные течения, водовороты… Вот их лучше миновать стороной. «Нащупал» стрежень — держись, понесет, если идешь по течению, ну а в обратную сторону — выбирай фарватер…

Юго-восточный ветер наполнил паруса. Тимка подобрал грот[10] на своей Р-20, шел против ветра короткими галсами[11]. Сидя внутри кокпита, удобней подбирать

---

[10]Грот — нижний прямой парус на грот-мачте парусного судна.

[11]Галс — движение судна относительно ветра. Различают левый (ветер дует в левый борт) и правый (ветер дует в правый борт) галсы.

парус и рулить, но как тут высидишь. Уж не до теории, не до продумывания маневров, избежать бы аварии, не перевернуться. Даже в тихий ветер, стоит чуть зазеваться, не заметишь порыва — и пиши пропало, а тут такое дело... Галс за галсом шел Тимка, выискивая места, где течение послабже. Пересек реку на усилении ветра. Ба! Да он третий. Не век же мучиться, полегчало на желудке. Ну-ка, кто там впереди? Переложился, прочел ветер, и вот Тимка уже первый, отрыв от преследователей все больше. Осталось пройти под мостом через Оку и финиш… А на мосту зрители. Тимка уже не спешит. И по сторонам посмотрел, и ручкой зрителям сделал… А в ответ засвистели булыжники, прямо как авиабомбы… только сирены не воют, да зенитки не бухают… Плюмб! Плюмб! Взлетают фонтаны слева, справа… Не нравится болельщикам, что заезжий из Москвы побеждает… Ну теперь лишь бы проскочить... Лишь бы не потопили, дьяволы… С ума сошли? Ведь так и попасть можно!..

Зимой 1945 года Тимка увлекся горными лыжами. Как-то раз пришли ребята в яхт-клуб, а там повсюду сложены горы лыж. Белые, лакированные, некоторые даже с креплениями. Наклейки на них австрийские, норвежские, датские. Таких тут и не видели никогда. С гор катались на обычных. А это трофейные лыжи — «подарок» от немецкой горной дивизии «Эдельвейс».

Поехали кататься на Воробьевы горы. Спуск к Москве-реке. Кто дальше по льду проскользит, тот и победил. Сорвались с горы и помчались наперегонки. Тимка летит вниз, только ветер в ушах свистит, выскочил на присыпанный снегом лед впереди всех, вот-вот до другого берега докатит… и не замечает, что за спиной творится. А там уж товарищи барахтаются в ледяной воде. Тонкий лед ломается под лыжами. Тимка проехал дальше всех, ему и плыть обратно к берегу дальше… Когда вытягивали его из воды, живыми оставались только глаза. Ни ног ни рук, ни сердца не чувствовал Тимка.

А через пару лет он уже побеждал на всесоюзных соревнованиях, стал чемпионом в слаломе. Однажды при спуске он пересек линию финиша в падении. Публика была в восторге. И когда зашла речь об участии в Олимпийских играх, его вызвали в сборную команду. По личному распоряжению Ворошилова лыжники с сентября до Нового года тренировались на Кавказе в Бакуриани, а потом пришли грустные вести из Женевы, выяснилось, что СССР не допустили до участия в Олимпиаде. Тимке казалось, что его лишили медали.

Он не знал еще тогда, что главную победу принесет ему парус.

Часть 2

Ветер и паруса

Штурмовать далеко море
Посылает нас страна…

А. Апсалон

Взвыли двигатели, самолет дрогнул и побежал по взлетной полосе; все чаще стучит на стыках, в иллюминаторах убегает аэропорт, самолет качнуло, и земля стала падать вниз. Потянулись леса, линейка шоссе, рваные низкие облака режет крыло, и вот уже все скрывает серая мохнатая мгла…

«Черт бы побрал эту нелетную погоду, — ерзая в кресле, думает Тимир. — Самолет, конечно, вещь хорошая, но шарахнет молнией, и привет… Решили пыль в глаза пустить капиталистам… Похвастать реактивной авиацией... Шарахнемся, вот тогда и будет вам Олимпиада…»

— Хорошая примета — дождь в дорогу, — с улыбкой говорит Сашка.

— М-да, — тянет Тимир.

Их кресла рядом. Выступать им в одной команде. Только в разных классах яхт. Сашке в «Финне», а Тимиру в «Звездном».

«Накрутили так, что лучше и не надо, — Тимир припомнил напутственный инструктаж партийного бонзы. — Мы и бойцы передовой, и строители коммунизма, и должны показать торжество социалистического строя, и… лечь костьми за честь великой страны… Ну что ж, если надо, ляжем… Было бы, где лечь, а уж лечь костьми, это для нашего человека самое обычное дело… В войну ложились, никто не считал, и сейчас ляжем… Вот прямо сейчас и ляжем, только молнии подходящей дождемся, и готово… Хорошо еще, сейчас не 52-й год… Тогда просто сказали, кто не победит, можете не возвращаться… Плыли — пароход дрожал, не от дизелей, а оттого, что всех трясло… Всех потом чуть и не посадили… Что было!.. Какой разнос!.. Какие речи… И предатели, и враги народа, и вредители, агенты империализма, и продались Западу… Кому проиграли, сукины дети, югославам! И это когда мы с Тито — враги!.. А какие мы враги? Люди тут при чем? Ведь это спорт, а не война… Они там у себя наверху ссорятся, а мы должны друг дружку зубами рвать, так, что ли?»

Самолет набрал высоту, вырвался из туч и поплыл над гигантским махровым ковром.

«Ремень давит, ноги не вытянешь… И кто это додумался в салон на тридцать человек пятьдесят кресел втиснуть? Вот мы делали Ла-7 в 44-м — любо дорого смотреть. Сидишь в фонаре, как на диване. Петров Алексей Васильевич взял меня тогда к себе на “Знамя труда”... Тоже яхтсмен заядлый. Завод секретный, три месяца оформлялся. Ух и наползался я там с линеечкой в семьдесят два кило… Даже присказка была: почему начертить самолет в натуральную величину на листе фанеры можно с точностью до двух десятых миллиметра? Потому что кохиноровские карандаши нельзя заточить острее…»

— Конфетку хочешь? Помогает при качке… — предлагает Саша.

Тимир рукой делает отрицательный жест.

— Спасибо.

— Ты в порядке?

— Всё нормально…

«Эх, жаль Галю не выпустили… Перестраховщики… Да если кто решит остаться, разве удержишь?.. Там у них пресса такой вой поднимет! На весь мир! Права человека! Гражданские свободы!.. Вон в Мельбурне в 56-м половина венгров осталась на Западе. Не захотели возвращаться в соцлагерь. Это еще месяца не прошло, как мы их танками придавили… И наши ничего сделать не смогли… Война уже и так была. Еще этот ватерпольный матч… Как поняли, что проиграем, так давай им морды бить, весь бассейн в крови. На весь мир картина… А мадьяры — не дураки, подготовились, может, и специально спровоцировали наших, и лозунги откуда-то взялись как по команде, и транспаранты: “Свободу, свободу! Фашисты!..” Вот так! Мы их от Гитлера спасли, сколько народу полегло, а они нас же теперь фашистами выставили… А уж когда Жадору — капитану ихнему бровь разбили, так и вовсе зрители в наших с трибун плевать начали…

Но мы-то не мадьяры, мы ж свои… Ну понятно, своих надо жестче держать, чтоб чужие пикнуть боялись... Подписки, клятвы, обязательства… И все равно Галю не выпустят… Ничего не скажешь — как диверсантов посылают… Сколько я им отчетов понаписал, схем начертил… и Хельсинки, и Киль, и Мельбурн, Генуя — все до мелочей. Каждый раз целый день убиваешь на зарисовки… Федя, конечно, тоже чертит… И другие, да все, кого выпускают… все чертят... И Сашка тоже… А спросишь — ведь не признается. Еще, поди, нажалуется… Да и я не признался бы… Чертим и сдаем, всё молча. А потом они там у себя сверяют...

Черт, опять живот тянет… И Гали нет. С ней все же спокойней… Почему не пускают жену? Объяснял им, объяснял, что она мне нужна для победы, что она вроде моего талисмана, — когда она на гонках, я выигрываю… Все впустую, без толку… Доказать невозможно. “У нас только члены делегации, квоты, все утверждено…” Знаем мы… Вот этих в штатском полсамолета».

Тимир вспомнил недавнюю черноморскую регату… Галя поехать не смогла, осталась в Москве, срочная работа в конструкторском бюро. Начались гонки. Первый день — неудачно. Он только пятый. А для него теперь любой результат кроме первого — провал. И вдруг видит: она на берегу.

— Ты откуда?

— С неба…

А назавтра — победа. Колдовство какое-то…

На третий день Тимир шел вторым, вслед за Козловым. Последняя лавировка, у того ветер в парусах, никак не догнать… и вдруг ему дисквалификация, навалил на знак.

Галя потом рассказывала:

— А я на судейском катере стою у борта, зажмурилась и твержу: Козлов, получи баранку! Козлов, получи баранку…

На следующий день Галя улетела в Москву. Но Тимир был уже уверен в победе, в остальных гонках тоже выиграл.

«Когда мы познакомились-то? Еще во время войны, в яхт-клубе… Я тогда преподавать начал… Целая толпа девчонок пришла, старшеклассниц… Мы еще детьми были… А через десять лет опять встретились, как раз после Хельсинки, и уже навсегда…»

— Стюардессы какие! — толкает локтем Саша. — Смотри, вон та брюнетка, просто чудо, как хороша. Вот что значит международный рейс. А? Где они таких берут? Ей бы в модели идти. Ты посмотри, глазки, фигура, личико... Нет… ну просто красавица!.. Фотомодель!.. Обязательно надо познакомиться. А? Как ты думаешь?

Тимир кивает.

— Давай, Саш, бог в помощь…

— Вон та блондинка тоже ничего… А? Тима, мы же герои, будущие олимпионики! А времени в обрез, летим без дозаправки! Разве нам откажут? А?

— Не откажут, Саш.

— Ну, так что?.. Смотри, смотри… она мне улыбнулась! Ну, все, я пошел.

— Иди.

— А ты?

— Я пас.

— Ну как знаешь. Жизнь, брат, надо любить. И шансы использовать на всю катушку…

— Желаю удачи.

«Как там Федор? Как яхта?.. Долбанут каким-нибудь краном и все — зря ехали. Как тогда в Касабланке… Пробьют корпус, мачту поломают, с них станется… Грузят, как картошку, а на воде качнет, вот тебе и пожалуйста…»

Яхту, «американку», сделанную под заказ в Соединенных Штатах, оснащенную синтетическими парусами, должны были доставить пароходом из Одессы. Сопровождающим ехал Федор — шкотовый Тимира.

«Хорошо, что Федор там, хоть чужих не подпустит… А оставь без присмотра, ведь разломают все черти, разнесут по винтику, и следов не сыщешь!..»

Федор Шутков — десять лет отслужил матросом на флоте. Деревенский мужик, образование — сельская школа, но крепкий, здоровье богатырское. Ручищи здоровенные, черные, масло и солярка въелись в кожу — не отмоешь. Пальцы, словно грабли — не сходятся. Глаза хитрющие, брови пшеничные. На флоте был мотористом. Целый день над ухом дизель тарахтел, оттого Федор глуховат и слова коверкает на свой лад. Не компас у него, а «контас», крейсер — «кейсер», «голокладущий», вместо главнокомандующий…

Служил он на разных морях. Везде побывал. Воевал на «Охотнике». Однажды судьба занесла его в Севастополь, на адмиральский катер. На катере ходили редко, в основном простаивали ошвартованными. Федор заскучал от такой жизни. И както подвернулся случай. Адмирал поднимается на борт, экипаж во фронт. Федор возьми и крикни:

— Товарищ админар, какафки не хотите?

— Это еще что? Да ты пьян!.. Да ты знаешь, куда я тебя сошлю? Где ты и не был никогда… Во Владивосток!

А Федор вытянулся во фронт, отвечает:

— Тарищ админар, та я быв там…

— Ну, тогда… в Таллин!..

— Та я и в Талне быв…

— А где ж ты, шельма, не был?

— В Муранске!..

— Ну вот и отправляйся в Мурманск.

— Слухаюсь!

Как демобилизовался, не смог без моря, затосковал, пошел на гоночные яхты матросом. Стал гонять матросом на «шестерках». Силища в руках медвежья и вес подходящий — под восемьдесят. Отборочные соревнования на Олимпийские игры в Хельсинки прошел. Но не поладил с тренером. Все из-за пустяков… Устроил цирк. По тросу вверх на одних руках, двенадцать метров… на спор за бутылку. А тут тренер идет. «Ты чего устраиваешь?» Федор за словцом в карман не лез, выдал по-флотски лаконично... Тот и пригрозил: ты, мол, у меня заграницы не увидишь… И не взяли…

— Трагедь, — вздыхал Федор. — Тю-тю Альпада…

Чуть не запил тогда с огорчения. И тут прибегает приятель:

— Выручай, — говорит, — у нас бегуна не хватает в команде… Всю дистанцию бежать не надо, главное стартовать, для протокола, а там сойдешь, где захочешь…

Федор долго раздумывать не стал.

— Выручить можно… А тапочки дашь?

— Конечно, любой размер, только выручай…

— Ну ладно, давай тапочки.

Вышел на старт, побежал...

Погода хорошая, солнышко светит, бежится в охотку, дистанция десять километров. Прибежал первый, вот его и включили в сборную. А бежал-то за тапочки… В Хельсинки в забег его не поставили, так что пошел к яхтам, а навстречу тот тренер «парусник», который его «зарубил».

— Ты как здесь?

— Та я в команде.

— В какой это команде?

— Легкокотлетов...

Ну что тут скажешь?..

Сашка вернулся, плюхнулся в кресло.

— Москвичка она, живет в Сокольниках, не замужем. Вот телефончик дала… Что с тобой?

— Что?

— Ты ж нездоров.

— Почему?

— Да посмотри на себя. На тебе лица нет. Зеленый весь…

— Да?

— Подожди, я сейчас зеркало попрошу. Сам увидишь… Дианочка! — он махнул рукой. — На минуточку!

Подошла стюардесса, красоты необыкновенной.

— Что случилось?

— Дианочка, можно зеркальце?

— Пожалуйста. — Тонкая ручка извлекла из кармашка маленькое складное зеркальце. — Что-нибудь еще?

— Водички...

— Сейчас. — Она повернулась и пошла по проходу.

— Ух, черт возьми, — провожая ее взглядом, выдохнул Сашка. — На, смотри.

Тимир покосился на свое отражение.

«Да, вот этой складки на лбу раньше не было… Уже тридцать три. Возраст Христа… Пора свершений…»

— Может, таблетку? — не унимался Сашка. — Доктора позвать? А то от тебя слова не добьешься... Помирать будешь и то, небось, промолчишь.

«Кто много болтает, тот всю силу выбалтывает», — вспомнил Тимир слова отца. В 41-м стали приходить от него письма, с матерью читали-перечитывали их по многу раз, отец оборонял Ленинград. А в 44-м пришла похоронка — пал геройской смертью при прорыве блокады…

Самолет приземлился в Риме. Еще нет и полудня, а жара уже стоит нестерпимая. Скомканная экскурсия по вечному городу из разряда весь мир за два часа… все мелькает: термы Каракаллы, площадь Ватикана, римский форум, Колизей… черные квадриги летят над городом… и почти вся делегация остается в Олимпийской деревне, только яхтсмены едут дальше. До Неаполя еще двести километров поездом.

Чужая красивая горная страна…

«Как все-таки они умеют не побеждать природу, а встраиваться в нее, — думал Тимир, глядя в окно вагона. — Не взрывать и перекапывать, а дружить… Ты посмотри, вон на горе крепость, а вокруг домики, два-три этажа, желтые стены,

окошки рядами, красные черепичные крыши. Виноградники на склонах… Да тут что ни гора, то крепость или башня. Если останавливаться возле каждой — вовек не доберешься куда тебе надо… Берегут историю. Аврелианова стена в Риме по всему городу змейкой вьется — восемнадцать километров, почти всю сохранили. А у нас Белый город сначала возвели при Федоре Иоанновиче, а потом разобрали при Екатерине Великой, бульвары проложили… Десять километров крепостной стены в четыре метра толщиной — все раздолбали подчистую... Зачем? Ну не нужна тебе стала крепость, дорога важней, ну подумай, как сделать так, чтоб не ломать то, что строили десять лет всей казной… Китай-город тоже… Да что говорить, Храм Спасителя где теперь? Еле взорвали, такая мощь… А стоило стараться-то? Тверскую расширяли — целые кварталы долой... Вечная стройка, а тут вечный город. Раз построили, и на века. Правда, Колизей чуть не растащили варвары, весь ободрали как липку…»

В купе Сашка, другие яхтсмены дремлют, сморило после экскурсии. Тимир не спит. Смотрит в бинокль…

Повезло достать в 1955-м. Итальянская оптика…

«Тогда после подрыва в Севастопольской бухте линкора “Новороссийск” — трофейного итальянского “Джулио Чезаре”, — командование флота приказало демонтировать всю иностранную оптику и вооружение, и заменить отечественным. Сказано — сделано. Начали крушить. Палубы кораблей были сплошь усыпаны стеклянной крошкой. Мы тогда тренировались в Севастополе. Я договорился и выкупил бинокль и два спаренных “телескопа”, с таким увеличением, что в них можно было разглядывать поверхность луны и изучать рельеф кратеров. Когда отправились на Олимпийские игры в Мельбурн, прихватили с собой и оптику.

Пароход “Грузия” вышел тогда из Одессы. А в Средиземном море, как по команде, по обоим бортам выросли два натовских эсминца, шли чуть позади, не отставая, пушки повернуты, давили на психику. Ближе не подходили, так и сопровождали, мы идем, они идут, боялись, что мы танки и самолеты Египту везем. Тогда с Насером у нас большая дружба была. Потом Хрущ ему даже Героя Советского Союза пожаловал… Когда по Суэцкому каналу проходили, кто-то предложил: “Давай в оптику посмотрим на пирамиды”. Достали, поставили на треногу. Стали смотреть. Вдруг с капитанского мостика крик: “Уберите шоши! Уберите шоши!” Были такие пулеметы французского конструктора Шоша. Что такое, почему? “Уберите шоши, …ать вашу!” А! Ну теперь понятно. Вот оно в чем дело: две подзорных трубы торчат, как два пулеметных ствола. А это ж времена Суэцкого кризиса. Египтяне стреляли тогда во всех без разбору, да и не только они, тут и разбираться никто не станет… Прошли канал, эсминцы не отстают… Чего им надо? Ведь ясно же, что мы не оружие везем... Все равно сопровождают… Идем, не сворачивая, на Мадагаскар, и еще дальше… Только когда айсберги показались, американцы повернули, ну и мы повернули, взяли курс на Австралию.

Жаль только, на обратном пути кто-то вскрыл контейнер, а там и оптика, и снасти, и паруса, инструменты — все. Так ничего ж не взяли кроме оптики. Аккуратно вскрыли, профессионально... Ну мы сразу поняли кто… Шума не поднимали. Намек поняли. Мол, побаловался и хватит. Помалкивай… Нечего тебе отсюда за горизонт глядеть…»

— Тима, не спишь? — Проснулся Сашка.

— Нет.

— Красотами любуешься?

— Любуюсь.

— Зря… Лови момент, отдыхай, набирайся сил, они еще пригодятся…

— Хорошо.

— Не нравится мне твой вид. В самолете — зеленый был, сейчас — бледный. Пора розоветь…

— Ладно… Спи.

Как тут уснешь, когда все мысли о предстоящей гонке?

«Ну что, синьор Страулино? Как же мы будем вас побеждать? Похоже, это будет не просто… Кому же, как не вам, лучше всех известен Неаполитанский залив… Знаком малейший ветерок, течение, фарватер, рельеф дна… Вы ведь в прошлом боевой ныряльщик, сеньор... Много наслышаны о ваших подвигах во время войны… А “Новороссийск” не ваша ли работа? Ну да сейчас не об этом… У вас победа в Хельсинки в 52-м, второе место в Мельбурне в 56-м, и здесь в Неаполе вы намерены победить, это ясно. Здесь все ваше — море, берег, ветер…

Обойти вас я могу, синьор, и продемонстрировал это недавно в Генуе, правда при сильном ветре… Но это даже и к лучшему. Пусть все верят, что моя стихия — шторм. Пусть думают, что я этакий разудалый кавалерист! Когда все осторожничают, берегут яхты, храбро распускаю паруса и лечу вперед сломя голову. Эге-гей, родимые!.. Дорогу сумасшедшему русскому!.. Конечно. У них яхты личные, на свои деньги купленные, они их берегут, хоть и все миллионеры, всякие там магнаты… Солидные банковские счета… Коронованные особы… Князь Монако, король Норвегии… Яхтенный спорт — привилегия богачей. А у меня государственная — чего жалеть?.. Главное победа, результат…

А чуть задует легкий бриз, море спокойно, бури нет, и меня не видно… Тут мастерство требуется, одной удали недостаточно, и яхта нужна наилучшего качества. А откуда у русских мастерство? Они ж никогда ничего не выигрывали… А откуда у русских хорошая яхта? Они ж всегда на всем выгадывают, экономят… Вот нас никто всерьез и не воспринимает. Значит так: нас в расчет не берут — это точно. Мою победу в Генуе объяснят сильным ветром… Еще бы, стартовало пятьдесят семь яхт, а до финиша добрались только четыре… Хорошо еще не потонул никто. Снежный шторм баллов шесть, не меньше!.. Тогда газеты писали: «Русских так вдохновило появление снега, что догнать их было невозможно! Словно снежный ком, они неслись к финишу!..» Зато сейчас мы в тени… Этим и надо воспользоваться. Фактор неожиданности. Все будут смотреть за Страулино, он фаворит. А про нас и думать забудут. И тут уж не зевай!..

В Мельбурне я был восьмым…. Оно и понятно, тогда яхта была Таллинской верфи, хорошая, но не идеальная. Смешно вышло. Стали сами делать яхты по американской таблице отклонений, а важнейшее примечание перевести забыли… В результате наши яхты на попутном курсе заметно уступали. Хоть “американка” уже пришла по заказу, стояла на Балтике, но мы ее не успевали освоить к играм... Гонялись на старой. А потом на обратном пути так и оставили ее во Владивостоке. И везти дорого, да и незачем, раз новая дожидается. В Москву катили через всю страну двумя железнодорожными составами… Наши, европейцы… Ехали, пир горой…

Эх, как-то там сейчас Федор? Как наш “Торнадо”? Если яхту доставили нормально, с Федором все в порядке, то, бог даст, первую-то гонку, сеньор Страулино, мы с вами схлестнемся. А там, глядишь, еще посмотрим кто кого… Если все сложится удачно, то за бронзу вполне можем побороться…

Кто у нас еще в соперниках? Багамец Ноульс — старый знакомый, опытный морской волк. Говорят, что если его обходят, даже на тренировках, у него от бешенства выступает пена на губах… Швед Суне Карлсон грозился привезти новую яхту… А впрочем, от кого угодно можно ждать сюрпризов: и от англичан, и от немцев, и от венгров…

А кто этот португалец — Марио Кина? Откуда он взялся? В отборочных соревнованиях разделался с двукратным чемпионом Европы! Не зря говорят: все португальцы с рождения мореходы. Каков он с виду? Флибустьер? Черные как смоль волосы, тонкий нос, огненный взгляд? Серьга в ухе, цепь из чистого золота на шее и кривой нож за поясом?

А мистер Паркс? Типичный американец? Бейсбольная кепка, шорты из американского флага, сигара в зубах? А ведь он обставил двух чемпионов мира — Фиккера и Норта. “О рай, о рай![12]”, — как говорит Федя. И он родом из Чикаго, откуда и чемпион Мельбурна Вильямс… Одного этого достаточно…»

Поезд подошел к вокзалу.

— Подъем, ребята, — будит Тимир сборников.

— Что, уже приехали?..

Платформа. Привокзальная площадь. Душный воздух, ни свежести, ни ветерка. А ведь море рядом… Пересели в автобус. За стеклом ярко освещенные улицы Неаполя, витрины магазинов. Вот и отель «Мажестик».

У дверей встречает Федор.

— Здравь жлаю!

— Что с «Торнадо»? — сходу спрашивает Тимир.

— Вот те раз… Ни здрасть, ни как дела… сразу «Торнадо»… Та шо с ним сделца? Пасеца на трафке в Кралёвском парке.

У Тимира отлегло от сердца.

— Ну, прости, прости… Предчувствие, понимаешь… После Касабланки уже не знаешь, чего ждать.

Пожали руки.

— Докладаю, — рапортует Федор. — Дошли без потерь. Усе живы, раненых нема.

— Когда можно выходить в море?

— Та хыть завтра.

Что такое Неаполь? Город? Прежде всего, Неаполь — это Везувий. Его видно решительно отовсюду. Гигантский черный конус, уходящий в залив. Он словно пытается дотянуться до острова Капри. А кто это там теснится у подножья, поднимается по пологим скатам, карабкается к жерлу кратера в жабо из кружевных облаков? Что это за цветные букашки? Ах! Это город, это дома, в которых живут беззаботные неаполитанцы, позабывшие участь Помпеи, Геркуланума и Стабии…

В самую несносную жару на вершине Везувия прохладно, мелкие камушки осыпаются под ногами, из широченной глотки сочится сернистый дым. С высоты как на ладони виден Неаполитанский залив. Словно взбешенный конь морского владыки ударил в берег копытом, окаймив бухту высокими мысами, убегающими в море островами, скалистыми вершинами полуострова Сорренто.

Утром короткая пресс-конференция в холле отеля.

И без того стоит несносная безветренная жара, а тут еще софиты, корреспонденты, фотокамеры…

---

[12] *Искаж. All right! All right! — Хорошо! Хорошо!*

— Как вы оцениваете свою победу в седьмой гонке Генуэзской регаты? Это, по-вашему, случайность или закономерность? — спрашивает репортер.

— Просто повезло с ветром, — отвечает Тимир.

— У вас именитые соперники: чемпионы мира, Европы, победители Олимпийских игр. Кого из них вы можете выделить в первую очередь?

— Агостино Страулино — у него огромный опыт и он тут хозяин.

— Вы всерьез рассчитываете на олимпийскую медаль?

— Если повезет с ветром. Мы неплохо ходим в шторм.

— Вы не оснастили свою яхту пулеметами, чтобы топить конкурентов?

— Пока нет. Вопрос решается...

— Если вы не победите, какое наказание вас ждет на родине? Вас посадят?

— Не думаю.

— Что вам обещали, если вы добьетесь победы? Очередное звание? Орден? Деньги?

— Главная награда для меня, как и для любого советского спортсмена — олимпийская медаль.

«Надоели, — думал Тимир, когда удалось отвязаться, наконец, от газетчиков. — Скорее к яхте…»

У входа в Королевский парк стояли гвардейцы. Публику не пускали. На ровном зеленом газоне стоял «Торнадо», слово ракета перед стартом, белый полированный корпус, стройная мачта, четкие линии…

«Знал бы мистер Вильям Гарднер в 1906 году, во что превратится его «Малыш». Вряд ли он подозревал, гоняя по Лонг-Айленду, какая судьба уготована его яхте. Правда ей изрядно подрезали гик[13] и удлинили мачту, но, по-моему, это пошло ей только на пользу. Ведь с 1932 года «Звездный» — олимпийский класс.

Когда после Мельбурна получили ее из США и обмерили, выяснилось, что на шестом шпангоуте[14] допуск аж целых сто миллиметров… Сверились по таблицам — недопустимо. Как же так? Ведь вот же сопроводительное письмо: «Международный мерительный комитет, рассмотрев все размеры этой яхты, утверждает, что они отвечают всем правилам «Звездного класса»». И подпись: «Президент международного мерительного комитета Джон Тетерингтон». В чем дело? Да если б мы знали раньше, что разрешен такой допуск, мы бы давно сделали яхту, не уступающую по скорости примам чемпионатов, распрямили бы киль, улучшили обвод… Но ведь нельзя, сами себя «резали». И тут приходит яхта, противоречит всем канонам, да еще и обмеренная главным в мире обмерщиком. Чертовщина какая-то! Где же истина? А истина, как всегда, оказалась в деталях… Стали смотреть оригинал таблиц, и все выяснилось: переводчик забыл перевести коротенькое примечание внизу страницы, а оно как раз о шестом шпангоуте. А если бы перевел, то я бы уже в Мельбурне гонялся на Таллинской яхте вровень с грандами… Сколько лет спорил с конструкторами, обмерщиками, доказывал, что яхта Страулино имеет другой обвод, лучше, чем наш, сам им чертежи делал, пригодились навыки, приобретенные на авиазаводе. Но те только руками разводили: вот таблицы, вот буква закона... А оказалось, все дело в упущенном примечании…»

— Ни царапульки, — улыбается Федор. — Пылинки сдувал.

«Никаких переделок, — твердит сам себе Тимир. — Никаких наладок. Лучше все равно не сделаешь, а хуже — вполне. Только время зря потеряешь».

---

[13] *Гик — горизонтальное рангоутное дерево, по которому растягивается парус.*

[14] *Шпангоут — бортовая поперечная балка корпуса судна.*

Но руки так и чешутся перебрать все по косточкам, проверить каждый винтик — как он привык делать всякий раз перед стартом.

— Яхта ву полном упорядке! — будто читая его мысли, говорит Федор. — Давай спущать на воду.

На берегу царит возбужденная суета. Флаги разных стран, яхты, паруса… Карло Роланди — шкотовый Страулино — приветливо машет рукой. Все гавани Неаполя забиты крейсерскими яхтами, моторными и парусными. Вон трехмачтовик таиландского принца Бига-Бонзе, а вон океанская яхта венесуэльца Даниэля Камео, строительного «короля», он пересек Атлантический океан за восемнадцать дней и собирался принять участие в гонке «Звездников» со своим сыном Педро.

Автокраном спустили «Торнадо» на воду. Обошлось без происшествий, если не считать, что Федор, закрепляя тросы, поскользнулся и свалился с платформы. Но, что ему сделается? — ни одной царапины.

«Очень уж все гладко складывается, — тревожится Тимир. — Пароход не задержали, яхту не повредили, все целы… Не к добру это… Что-то будет…»

Наконец, под легкий, едва уловимый бриз, вышли в море. Пахнет теплой морской водой. Солнце жжет немилосердно… На рейде стоит трехмачтовый парусник «Америго Веспуччи» — гордый красавец, две широких белых полосы вдоль черных бортов. На нем в Неаполь привезли олимпийский огонь.

«Ветер, похоже, совсем стихает. Не стоит отходить далеко от берега, как бы не унесло течением...» — думает Тимир.

Яхта идет легко, четко слушается руля, но при таком ветре особенно не разгонишься.

— Роланди сказал по сехрету, что тута ветер дуить как по заказу Страулино, — говорит Федор, — в одиннадцать еле-еле, к полудню — один балл, в час — два, к вечеру — три. И отдыхай…

А на берегу их уже ждали отклики местной прессы:

«Советский спортсмен заявил, — писала какая-то газета, — что он очень надеется на штормовую погоду, так как его яхта рассчитана на плавание при ветрах, превышающих пять-шесть баллов. Учитывая, что волнение моря в это время года в Неаполитанском заливе редко превышает три балла, остается пожелать советскому спортсмену прихода цунами, чтобы он сумел продемонстрировать все свои скоростные качества».

«Прекрасно! — обрадовался Тимир. — Пока все идет по плану. Можно приступать к тренировкам. Чтобы сохранить инкогнито до старта, выходить будем с двенадцати до трех, когда все “звезды” отдыхают и обедают. Жарковато, конечно, ну ничего, потерпим. К тому же гонки пройдут как раз в это время. Значит, надо привыкать и к жаре, и к волне».

Экипажи двадцати шести «Звездников» напряженно готовились к гонкам.

Весь день Тимир и Федор провозились с «Торнадо». Ведь от того, как оснащена яхта, зависит очень многое. Хлопот, как всегда, нашлось немало. Лишь к вечеру, подготовив яхту, смыв с бортов соленую морскую воду, они, усталые, отправились в отель.

После ужина и бесед с друзьями Тимир решил пройтись по набережной, подышать перед сном вечерним бризом. Но стоило ему выйти из отеля, как густой удушливый воздух без малейшего намека на свежесть окутал его. Казалось, раскаленные на солнце мостовые, стены и крыши выдыхали накопленный за день жар.

— Полный назад! — скомандовал Тимир, отступая в прохладу гостиничного холла. — Прогулка отменяется. В баню мы еще успеем сходить…

— Ента точно, — поддержал его Федор. — Баня у нас по расписанию завтра с двенадцати до трех.

Ранним утром они уже шагали в яхт-клуб, где до полудня провозились с яхтой, проверяя каждый болтик, каждую деталь. Там они впервые увидели португальца Марио Кина. Его «Ма Линдо» выглядела идеально.

«И вовсе он не флибустьер, обычный человек, взгляд, правда, колючий, пронзительный», — подумал Тимир.

Тимир приветливо помахал ему рукой, в ответ португалец только кивнул небрежно.

«Этого надо опасаться, — отметил для себя Тимир. — ножа за поясом у него, положим, не видно, но вот камень из запазухи в случае чего достать может».

Экипажи некоторых «Зведников» состояли из братьев: мальтийский, кубинский, шведский. А английская команда была представлена супружеской парой. Миссис Митчелл была единственной женщиной-матросом среди всех участников олимпийской регаты.

Закончив наладку, вышли в залив, как и намечали, после полудня. Легкий бриз едва играл парусом.

— Никого, — усмехнулся Федор. — Усе попрятамшись…

Навстречу им попался только багамец Ноульс, он возвращался с дистанции к причалу. Когда их яхты поравнялись, Ноульс, показывая на солнце, объяснил знаками, что для него такая жара чересчур.

— Ничего, ничего, — шептал себе под нос Тимир. — Мы потерпим… — И, натянуто улыбаясь, махал багамцу рукой.

Почти все лучшие гонщики предпочитали тренироваться утром, когда было заметно прохладнее, а в самую жару занимались доводкой яхт в тени навесов или отдыхали в отеле. Американец Паркс и вовсе прибыл в Неаполь последним, за пару дней до начала регаты. Быстро установил мачту, вышел в море, а через час вернулся, поднял яхту на берег, зачехлил ее и пригласил инспекторов-обмерщиков. Больше его в заливе никто не видел. Агостино Страулино тоже не изнурял себя зноем — он и так знал здесь все назубок. Марио Кина выходил в море и утром, и после обеда, ближе к вечеру. С берега Тимир видел, что у него очень быстроходная яхта, едва ли не резвей, чем «Мероп III» Страулино.

«Одно плохо, — думал Тимир, — нас, конечно, никто раньше времени не раскроет, но и мы ни с кем из грандов не сможем прикинуться».

Иногда некоторые гонщики пытались пристраиваться к «Торнадо», следуя параллельным курсом, тогда Тимир осторожно придерживал яхту, чтобы показать, что она не рассчитана на малые ветры.

«Пусть думают, что я тихоход», — продолжал Тимир свою тактику, пока будущие соперники, пройдя вместе с «Торнадо» один-два круга десятимильной дистанции, не теряли к нему всякий интерес.

Сказать, что Тимир и Федор уставали от жары — все равно, что не сказать ничего. Пот лил с них градом и застилал глаза, хилый ветерок не приносил облегчения, снять рубашку означало получить сильнейший солнечный ожог. Одежда была мокрая — хоть выжимай, на дне кокпита плескались морская вода и пролитый пот спортсменов. За три часа тренировок они теряли сил не меньше, а может и больше, чем тратит боксер за три раунда напряженного боя в ринге. Но все равно, ежедневно в полдень они начинали лавировку с нижней марки.

На второй день Федор скинул майку и шорты и остался в одних трусах.

— Хорошо тебе, — завидует Тимир, — вон ты какой лохматый, даже на спине шерсть растет.

— Естесная защита, — отшучивается Федор, — без ентава никак… Ента меня и в Муранске спасало… Тельнягу накинул, и тепло…

Как-то вечером, когда жара немного спала, Карло Роланди устроил Тимиру и Федору пешеходную экскурсию по Неаполю.

Тихие, респектабельные улочки, каменные дома, наглухо закрытые деревянными ставнями окна.

По улице Партенопе, мимо дорогих отелей и ресторанов вышли на набережную Борго Маринаро.

— А тама шо за крепость? — спрашивает Федор. — Прямо замок Иф.

Тимир переводит на английский.

— Это древняя крепость «Кастель-дель-Ово», или «Замок яйца», — отвечает Карло. — Ее стены хранят память о Вергилии, который на берегу Неаполитанского залива писал свою «Энеиду». Вергилия считали не только поэтом, но и чародеем. По легенде он связал судьбу Неаполя с волшебным яйцом, которое сокрыто под фундаментом «Кастель-дель-Ово». Предание гласит, что яйцо спрятано в амфору, амфора — в железную клетку, а клетка замурована где-то в основании замка. И пока яйцо цело — стоит и замок, и весь город Неаполь.

— Прям наш Кощей Бессмертный, — усмехается Федор. — Видал, Тима? Ничего ж своего придумать не могуть. Все у нас тибрять…

Разговор всякий раз возвращался к предстоящей регате.

— Паркс приехал побеждать, — говорит Роланди. — А Марио Кина… — улыбка сошла с лица итальянца. — Будь с ним осторожней… У него прекрасная яхта, и он сильный яхтсмен, но от него можно ожидать чего угодно... Поглядывай за ним… Он коварен…

— А как же параграф тридцать первый гоночных правил о честной спортивной борьбе?

— Он знает его не хуже тебя! — смеется Роланди. — Но знать и выполнять — разные вещи. Он так все подстроит, что ты же и окажешься виноватым…

Целую неделю дули слабые ветра.

И в первый день соревнований, 29 августа, погода не изменилась. Яркое слепящее солнце, ленивый ветерок, не больше двух баллов, на «Америго Веспуччи» трепещут праздничные флаги, в заливе мелькают первые паруса, чуть поодаль виднеются пароходы, шхуны, глиссеры — словно плавучие трибуны выстроились вдоль дистанции, зрители приникли к бортам, крутят бинокли, настраивают подзорные трубы…

Тимир и Федор с рассветом были в гавани. Не глядя ни на кого вокруг, они готовились к гонке, проверяли все в последний раз перед стартом. Тимир чувствовал, как постепенно исчезали все тревоги прошедшей недели, словно стертые волной рисунки на песке. Появлялись азарт, жажда соперничества, уверенность в своих силах и предельное спокойствие.

«При таком ветре победа наверняка достанется тому, кто выиграет на первом круге, — думал он. — Значит, надо попробовать вырваться вперед на первой же лавировке. Самое главное — поймать две первых перемены ветра».

Одна за другой яхты покидали причалы. От яхт-клуба до старта четыре мили. «Летучие голландцы» и «Звездники» шли от Малосильо. Из бухты Санта-Лючия шли «Драконы», из порта Посиллипо — «Финны».

«Где-то там сейчас среди них на своем “Финне” и Сашка, — подумал Тимир. — Попутного ветра тебе, Саша».

Все яхты смешались в заливе, лавина парусов двигалась к старту, постепенно расходясь по трем дистанциям, размеченным красными, синими и желтыми буями, навстречу своей судьбе.

Тимир поглядывал на соперников, невольно высматривая среди них «Ма Линдо» португальца.

«А разве Страулино менее опасен? — размышлял он. — Конечно, итальянец не пойдет на открытый навал, но здесь ему знакомы все течения. И потом, Роланди — его шкотовый».

Все готово к началу регаты, все на своих местах, судьи — на судейских катерах, зрители — на судах и гидросамолетах, и, кажется, на всем, что способно держаться на море, словно весь Неаполь покинул берег, чтобы следить за гонкой; спортсмены на своих яхтах барражируют вблизи стартовой линии.

Первые две сигнальные ракеты уже выпущены.

Как и рассчитывал Тимир, никто не принимал «Торнадо» в расчет. Большинство «Звездников» собралось у левого края стартового поля, возле Страулино и Паркса. Там же виднелась и «Ма Линдо» португальца. Только француз Пизани на «Фрипе» маневрировал справа. К нему и направился «Торнадо», пристраиваясь с подветренной стороны. Идя круто против ветра, бейдевиндом, француз медленно приближался к линии старта.

«Пора», — решил Тимир и, обойдя француза, двинулся вдоль стартовой линии галфиндом, подставив ветру всю площадь парусов. Когда же в небо взметнулась третья ракета, «Торнадо» вернулся на прежний курс и на высокой скорости возглавил гонку.

— По лезвию ножа проскочили, — кричит Федор.

— Похоже, — отвечает Тимир, до боли в суставах сжимая рукоятку румпеля[15].

«Торнадо» несся вперед между двумя группами яхт, стремительно приближаясь к верхней марке.

«Мы первые, мы первые, — шепчет Тимир. — Пока все складывается удачно».

У верхнего знака «Торнадо» оказался раньше всех, за ним с отрывом в три корпуса пришел немец Сплит, а следом виднелись яхты Паркса и Карлсона... Остальных не различить, они шли очень плотно, сплошным белым комом.

Обогнули знак.

«Ну, теперь не подведи, ветер!» — молит Тимир.

Но ветер Неаполя не спешил помогать гонщикам. С тревогой следил Тимир за парусами. В жизни всякого парусника порой наступает это время унылого бездействия, когда корабль не бежит по волнам и ветер не наполняет опавших парусов, судном играют течения и морские чудовища, команда устраивает бунт. Надвигался штиль...

— Эх! — досадует Федор. — Стартанули знатно, и усе зазря…

Яхты Марио Кина и Страулино все ближе… Они еще не попали в штилевую зону, а «Торнадо» уже покачивается на середине залива.

— Хыть бухсир кличь! — переживает Федор.

— Или проси помощи у повелителя морей, — кивает Тимир.

Словно в ответ на эти слова нехотя потянул легкий ветерок, и «Торнадо» двинулся, наконец, к боковой марке. Но теперь никакого преимущества перед соперниками у него не было. Все яхты шли вровень.

---

[15] *Румпель — рычаг у руля для управления им.*

После третьего нижнего знака немец Сплит первым из всей кавалькады перешел на правый галс и, поймав ветер, стал заметно отрываться от остальных. Следом за ним повернули Паркс и Страулино. Федор вопросительно покосился на своего капитана. Ну, мол, давай!.. Чего ждешь? Но Тимир не спешил, пройдя за кормой Сплита, он вышел левее его яхты, переложился и, получив «чистый» ветер в паруса, на верхний знак пришел лидером. Но отрыв был очень мал. Сплит, Страулино и Кина находились в пятидесяти метрах, не больше. Теперь все решала гонка на попутном курсе.

«Вот сейчас мы и проверим, правду ли говорят, что американские «Звездники» быстрее немецких и английских», — подумал Тимир.

Ветер усилился до трех баллов. Яхты рвались к финишу. Никто не хотел уступать. Начался спурт.

«Где Кина? — волнуется Тимир. — Вон он, позади, отстал корпуса на два… А Страулино?.. Еще дальше. Паркс и Сплит далеко — бьются друг с другом. А вон и Ноульс… Нет, и он не опасен… А ведь у них все яхты — примы. Вот и довелось прикинуться. Теперь ясно — идем вровень…»

На миг Тимиру показалось, что «Ма Линдо» португальца настигает «Торнадо». Будто черноволосый корсар усилием воли заставлял свою яхту двигаться быстрей и быстрей.

«Чертов португалец!» — Тимир весь сжался от напряжения.

На полном ходу яхты пролетели финишный створ.

— Первые! — кричит Федор и бросается обнимать своего рулевого.

Тимир проводит ладонью по лицу, мокрому от пота, соли и моря…

На берегу Страулино и Роланди пожимают им руки, Паркс дружески хлопает по плечам, а багамец Ноульс, пришедший одиннадцатым, высоко вскидывает брови и качает головой, всем своим видом демонстрируя, что никак не ожидал от «советских» такой прыти.

Ночью Тимир долго ворочался в постели, пытаясь заснуть. Но стоило ему прикрыть глаза, как в памяти снова и снова возникали картины прошедшей гонки: лавина белых парусов с красными звездами наверху...

«Угораздило ведь Гарднера придумать такую эмблему, — думал Тимир под мерное похрапывание Федора. — У него ведь тогда и мысли, наверное, не было о том, что у нас тут в семнадцатом году грянет… Налепил красную звезду, а, скажем, белую нельзя, парус и так белый, ну или синий… А вот алые паруса только в сказках бывают…

Класс олимпийский, значит, хочешь участвовать в Олимпиаде — осваивай. Изготовили у нас, кажется, году в 49-м партию «Звездников» в Ленинграде. Не припомню сейчас, кто их тогда испытывал, кто-то из корифеев-килевиков, забрались вчетвером на яхту и чуть не потопили… Нет, говорят, для наших морей эта яхта непригодна… Забраковали… Конечно, для нее и троих-то многовато, двое — самый раз, а они, бугаи здоровые, вчетвером…

А мы тогда с китобоем Терехиным на «Варяге» ходили, на «эрке». Знали его вдоль и поперек. Просто, легко, удобно… Чего лучше? Но, как говорится, если партия скажет надо… И сказали, и в 51-м начали осваивать. А в 52-м в Хельсинки Сашка основным поехал, а я запасным. Но не сложилось у него там… Как знать, выпустили бы меня — то же самое вышло бы... Яхта капризная, парус огромный, корпус маленький, скорость бешеная… Тут не год и не два нужно, чтоб свыкнуться…

Потом матросы менялись, Слава Шишкин пришел, чемпион мира по вольной борьбе. Английский язык, урду, хинди — знал как родные… в кино даже снялся про таиландского принца… на слоне ездил по джунглям… Принца рядом с ним и видно не было. Вышел фильм про Славку — все смотрели… А потом мы уже с Федором ходить стали. Он себя показал в Хельсинки, даже газеты местные о нем писали, как он во время штормовой гонки, качаясь на вершине мачты, два часа руками удерживал сломавшуюся краспицу[16]… Его взял тогда к себе на «шестерку» Александров… Пришли в тот раз последними, но нуля в зачет не получили… Я еще тогда подумал, вот бы мне такого матроса в команду… Помню, предложил ему, а он спрашивает: «На чем ходить будем?» А я отвечаю: «На чем-нибудь сходим». А у меня уже в кармане письмо лежало с верфи, что наш «Звездник» готов. Ну, и он не отказал… Заняли с ним восьмое место в Мельбурне… Наш «Тулилинд» — не конкурент новым «американкам» с Олд-Гринвич. Тогда американец и победил на яхте этой верфи. А мы голову ломали. Бог их знает, в чем тут секрет? Вроде бы монотип, чертежи у всех одинаковые, все утверждено: допуски, припуски, материалы, но линия обвода вроде чуть не такая и что-то еще по-другому — понять невозможно, это ж тайны за семью печатями… Словом, подали заявку, нужна яхта верфи Олд-Гринвич. Сами не построим. Вернулись с игр, а нас уже ждет «Торнадо». Вызвали куда надо, говорят, вот вам, получите… Теперь деваться некуда. Надо побеждать… Вы это что же, говорят, у вас на парусе, как на кремлевской башне, красная звезда — символ нашей великой победы! Отцы и деды кровь проливали, а вы гонку выиграть не можете? Ну и другое всякое…»

Только далеко за полночь Тимир забылся беспокойным сном.

И снова безветренное утро, и снова вместе с Федором готовился Тимир к предстоящей гонке. «Торнадо» взял старт у правого знака. Как и накануне все звезды стартовали слева, копируя Страулино. Еще бы, сколько он выиграл чемпионатов мира и Европы, сколько гонок, можно было бы и устать от побед… И опять, как вчера, Тимиру удалось захватить лидерство с первых минут. Такая удача редко повторяется. Ну, теперь вперед!

— Мы первые, Федя! — кричит Тимир.

Но лицо Федора озабочено.

— Сигналют хлагами, — говорит он, кивая на судейский катер. — Отмена старту…

«Что такое? Почему? Ну да судьям виднее… Эх, жаль, такой старт пропал! Теперь начинай все заново… На линии сутолока, не протолкнуться. Полезешь — угодишь в навал. Лучше переждать. На таком ветерочке далеко не уйдут… — решает Тимир. — Зато у нас будет пространство для маневра».

Он переложил «Торнадо» на левый галс, вышел на свободную воду и оказался в стороне от основной группы. А ветер решил помочь, продолжил дуть с юго-запада, работая на паруса «Торнадо». И вскоре он уже шел вторым, вслед за «Ма Линдо».

«У верхнего знака будем вторыми», — определил Тимир. Но в этот момент ветер вдруг поменялся на юго-восточный, и багамец Ноульс, шедший далеко слева и проигрывая многим, набрал ход, проскочил под носом у «Торнадо», опередил португальца и первым обогнул верхний знак.

«Торнадо» идет третьим. Но куда это направляется багамец? Он сбился с курса! Принял красный буй за желтый и отклонился от дистанции. За ним, повторяя

---

[16]*Краспица — на больших яхтах поперечный брус на мачте.*

ошибку, устремились еще несколько яхт. Но португальца не проведешь. Он идет верно.

А в начале второй лавировки прямо навстречу «Торнадо» левым галсом выскочил «Мероп III» Страулино. По правилам преимущество имела яхта, идущая правым галсом. Итальянец должен был отвернуть, но не сделал этого.

— Ту Райт! Ту Райт Ю Форзал![17] — закричал, махая рукой, Федор. — Отворачивай!

Тимир едва успел уклониться… «Торнадо» потерял ход.

— Он чаго, болт забил на правила? — бледный от испуга, прокричал Федор.

— Не знаю, — растерянно бормочет Тимир, — наверное, что-то случилось…

Они снова третьи. Под шумок вперед выскочил Ноульс.

— Ага!.. Распознал чужой знак и вернулся, — кивает Федор.

Теперь лидировал Кина, следом за ним Ноульс, четвертым, настигая «Торнадо», шел Страулино.

Все гонщики переходят на правый галс, но Тимир не спешит, держит левый. Ветер изменчив, тут или пан или пропал, решил рискнуть, затянуть левый галс… И «Торнадо», разгоняясь, стал обходить багамца… Вот «Гемма VII» Ноульса уже позади, осталось достать португальца…

— Обходим Тима! Первые! — кричит Федор, когда «Торнадо» пролетел финишный створ.

Но судьи решили по-другому... Линия финиша проходила не так как в первый день, помешало большое скопление моторных яхт и катеров. Этого Тимир не заметил. Ладно, пускай вторые… Для сегодняшней гонки это равнозначно победе. Сначала лишили старта, потом лобовой таран итальянца… А может быть, кому-то не нравятся победы «советских»?

Страулино принес извинения тут же в яхт-клубе.

«Никаких протестов, — решил Тимир, пожимая ему руку. — Это была случайность… Теперь после двух гонок мы лидеры. Но инкогнито больше не сработает… Начнут стеречь…»

Ночью Тимир даже не пытался закрыть глаза…

«Как сложится завтрашняя гонка?.. Теперь, когда все поняли, что я умею ходить при слабом ветре… Не подведет ли «американка»? У меня ведь с ними давнишние счеты. Еще зимой 49-го, когда гонялись на буерах[18] по Сенежу — чемпионат страны, кто на чем, свободный класс — Чеботарев, помнится, смастерил буер по американской модели, а я на нем гонялся. На лавировках до ста выжимал, а на бакштагах, когда ветер почти в спину — за сотню… А у «американцев» педаль работает по-другому, не так как на наших. Ну вот я и перепутал, надо было отпустить, а я прижал, и перевернулся на скорости, мачта в щепки, меня подкинуло и со всего размаху хрясть об лед, да еще сверху буером… При такой аварии не выживают... Повезло тогда… Головой шарахнуло и три ребра в легких… Думали сначала — конец… Что там кожаный шлем, разве спасет?.. Привезли в Солнечногорск. Полные легкие крови — не жилец, говорят. И ничего, оклемался… Помню, в моей палате доходяга лежал, тоже весь разбитый, ночами стонал, помирал… А мне ребята и фрукты, и всякое… Столько не съешь, да я и не большой любитель… Ну он и налегал… Быстро на поправку пошел, выписывались вместе…»

---

[17] *Искаж. Turn right! Turn right your foresail! — Поверните вправо! Поверните вправо ваш фок!*

[18] *Буер — кабина на коньках или колесах, передвигающаяся по льду или суше с ровным рельефом при помощи парусов.*

На третий день с утра дул приличный западный ветер. Яхты метались по стартовому полю, выбирая лучшие позиции. Тимир повел «Торнадо» к левому знаку. Когда до старта оставались считанные секунды, и все внимание было приковано к судейскому судну, Тимир услышал громкий крик Федора:

— Кина!

Он оглянулся и увидел, что к ним на полном ходу несется яхта португальца. Резко переложив руль, Тимир успел увалиться, и «Ма Линдо», теснимая Страулино и Ноульсом, проскочила стартовую линию перед самым выстрелом.

«Шел на таран… и это уже в третьей гонке… Что-то будет в четвертой? — подумал Тимир, наблюдая, как пират возвращается к старту. — Сам себе яму вырыл. Теперь хорошего старта у него не выйдет».

Яхты помчались вперед. Идут правым галсом. Страулино, а за ним и Паркс, переходят на левый. Только «Торнадо» и еще три яхты продолжают идти прежним галсом. Не зря Тимир изучал морские приметы. Впереди показалась темная полоса на воде. Это сильный юго-западный ветер Сирокко подоспел из жаркой Сахары и наполнил паруса «Торнадо». Вот теперь самое время перейти на левый галс! У верхнего знака они первые.

— Глиссернем?! — кричит Федор.

Откренивая яхту, помчались к финишу.

Ноульс пришел вторым, Паркс — четвертым, а Страулино — фаворит и самый грозный соперник — только пятым.

— Кина — восьмой, — говорит Федор. — Начал последним, и почти всех съел… Ему таперича терять нечего… Видать, пойдет ва-банк…

«Вот-вот, — думает Тимир, — теперь-то и начнется самое интересное…»

И снова бессонная ночь. Короткое полузабытье, малейший шорох — и сна нет… наплывают воспоминания…

«Где-то сейчас старина Панкофер? Не забросил ли яхтенный спорт? Не пропала ли тяга к парусным гонкам? Помнится, на Кильскую регату приехали два немецких экипажа — Панкофера и Бертольда, — а по условиям чемпионата допускалось по одному от флота… И вот Панкофера не допустили, хотя он-то как раз и имел право… Бедняга был очень расстроен. Он — владелец огромных мясных холодильников в Мюнхене, богач, миллионер — питал юношескую страсть к парусному спорту. Сам оплачивал и яхту, и дорогу, и все накладные расходы… Для него регата не спорт, а праздник… Это мы, высунув языки, рвемся к победе, а для него пройтись на яхте — счастье. А уж перехлестнуться с мировыми грандами — вдвойне… Но делать нечего, пришлось паковать вещи. Он уже новые паруса с мачтой продал, так и не опробовав их в гонке… Жаль было старика. Я пошел в судейскую коллегию и объяснил им все, всю их несправедливость… И его допустили к участию в виде исключения… Ну уж наверное и денег содрали с него дополнительно… Правда, если б я не пошел, то и деньги бы не помогли… А он всем рассказывал потом, как я за него заступился. Лучшим другом для него стал. И угощал нас с Федором, и к себе приглашал… А гонка-то уже на носу… А мачта и паруса давно проданы… Так ему на следующее утро самолетом из Штатов доставили аж две мачты и комплект парусов с Олд-Гринвич. Все новехонькое! Гонщиком он был, правда, не ахти каким, призов не брал, места — все во второй десятке… Вот он за мной и ходил, упрашивал, чтоб я ему яхту настроил… Разве откажешь? Пошли, там подтянул, тут подкрутил, да по-хорошему сказать, ничего особенного и не сделал, но говорю: «Завтра, гер Панкофер, вы непременно выиграете!» Он доволен, ну и слава богу.

А назавтра, подхожу я шестым к первому знаку, Панкофер отстал на целую милю, где уж ему быть первым… Вот, думаю, он мне это припомнит… Вдруг, словно по волшебству, мертвая зона, штиль, наша яхта стоит словно на якоре прикована, будто к ней пудовые гири привесили… А от берега бриз пошел, и все, кто отстал, мимо нас прямо к финишу… И Панкофер первый!.. Потом всем рассказывал, что это я ему так хорошо яхту настроил, поэтому он и выиграл! Чудной старик…

А после этого за мной многие ходили, упрашивали. Один немец вагон мебели обещал, только б я ему яхту настроил так же, как Панкоферу…»

Первое сентября. Четвертая гонка.

«Если продержаться, то победа почти обеспечена… Кто бы мог подумать? Перед началом регаты надеялись самое большее на бронзу. После второй задумались о серебре, а теперь, глядишь, и золото светит… Золото!.. Уф… Лучше об этом и не думать… Ну, теперь помогай дух тайги, и все духи на свете, помогайте…»

Португалец не собирался сдаваться, его «Ма Линдо», словно приклеенная, повторяла все маневры «Торнадо». Куда бы ни уходил Тимир, всюду за ним следили колючие глаза португальца.

— Стережет, — кивает Федор. — Видать, готовит навал. Уж, наверна, протест заранее накалякал.

Проскользнув между двумя яхтами, Тимир оторвался от португальца, угодившего в «тиски», но его место тотчас занял Дьювард Ноульс.

«Бешеный багамец сейчас по очкам идет на втором месте, — прикинул Тимир. — Ему тоже выгодно нас ковырнуть…»

До старта меньше минуты. Тимир, уходя от погони, оказался возле левого знака, хотя собирался стартовать от правого. Хорошая позиция утеряна.

«Все равно не дадут дышать спокойно, — решает Тимир, уваливаясь в сторону. — Пускай стартуют, я следом».

В результате «Торнадо» ушел со старта позади всех, с двадцатисекундным опозданием.

«Нет смысла гнаться за основной группой… В лучшем случае буду в конце первой десятки… Надо попытаться поймать ветер… Если угадаю, есть шанс».

Тимир продолжал идти правым галсом.

«Дуй, ветер, дуй, пусть лопнут щеки, дуй!» — упрашивает Тимир.

И ветер услышал, и натянул шедший в стороне от всех белый парус, или, может, это Тимир угадал, ведь иди он сейчас другим галсом — проиграл бы всем. Награда за риск — удача. «Торнадо» на финише первый.

Страшен вид разгневанного корсара — из-под самого носа вырвал у него победу Тимир. Свирепый багамец Ноульс кусает сжатый кулак, он лишь четырнадцатый, дорого ему стоила предстартовая погоня за «Торнадо». Страулино и Роланди десятые… Похоже фортуна изменила адмиралу Агостино…

Теперь в оставшихся трех гонках Тимиру и Федору достаточно занять третье и пятое места, и тогда в последней они могут не участвовать вовсе.

Ночью Тимиру удалось-таки заснуть впервые за последние несколько ночей. Помогло Сашкино снотворное. Таблеток у того целый комплект. Как у доктора. Лучше бы их не было… Словно в глубокий темный колодец провалился Тимир. Снилась гонка, мертвый штиль, уныло повисшие паруса «Торнадо», все яхты проносятся мимо с раздутыми парусами, в них тычут пальцами, португалец Кина, поднимая пиратский флаг, раскатисто хохочет на корме «Ма Линдо», Страулино

в костюме аквалангиста, Роланди на носу «Мероп III» готовит глубинную бомбу, Тимир остервенело рвет волосы, они последние, так и не доходят до финиша, течение уносит их в открытое море…

Утром читали свежую прессу.

«Советский спортсмен спутал карты признанным грандам! — писала газета “Рома”. — Его способность угадывать перемену ветра достойна восхищения! Этот дерзкий мальчишка показал себя настоящим профессором парусной науки. Он выходит победителем из самых безнадежных ситуаций. Кажется, сами боги направляют ветер в паруса его яхты. Остается предположить, что русские придумали радар, который способен предугадывать ветер…»

В регате объявили трехдневный перерыв. Вечером позвонил Роланди и пригласил «советских друзей» совершить небольшую прогулку по окрестностям Неаполя. Он заехал за ними в отель на своем «Фиате».

— Ваша новая яхта очень быстрая, — говорил он по дороге. — Вы никогда раньше не ходили с такой скоростью… И вам здорово повезло в последней гонке. Никто не мог предсказать такой ветер…

— Да, — кивал Тимир. — Повезло.

— И все-таки на одном везенье невозможно выиграть все гонки, не так ли? Вы здорово научились управляться с вашим «Звездником».

— Мы учились у вас, — ответил Тимир. — Первые уроки Агостино преподал нам еще в Хельсинки.

— Да, Агостино взял тогда золото, а ваш товарищ, кажется, был семнадцатым… Но теперь у вас совсем другая яхта… И другой экипаж…

— Саша перешел на «Финн». Он сейчас один из лидеров...

— Да?.. Что ж, пожелаем ему удачи!

Приехав к Флегрейским полям, они отправились прямо в кратер действующего вулкана Сольфатара.

По всему дну кратера виднелись дымящиеся скважины, расцвеченные желтовато-оранжевым цветом серы.

— Задушить он нас тут решил или поджарить? — спросил Федор, пробуя ладонью горячую белую глину под ногами.

— Из этой глины делают прекрасный фарфор, — объяснил Роланди.

Потом он взял в руки деревянную палку и проковырял под ногами неглубокую дырку. Вынув палку, он предложил потрогать ее. Конец палки был горячим, как раскаленный утюг. Затем Карло подобрал небольшой камень и подбросил его высоко вверх. При падении раздался глухой удар, точно под коркой глины была пустота.

Федор испуганно покосился на Тимира.

— Пора делать ноги, Тима… Ему, видно, терять нечего…

— Под нами газы и пустоты, — сказал Роланди. — А там дальше сауна.

Необычное строение, высеченное в скале, оказалось настоящей природной термой, вход в нее был обложен кирпичом, изнутри валил горячий пар.

— Попаримся? — спросил Федор.

— Тебе гонок мало? — усмехнулся Тимир. — Подожди, послезавтра баню я тебе обещаю…

И пятую гонку Тимир начал одним из последних, избегая опасной толкотни на старте, и опять ушел в сторону в поисках ветра. На верхнем знаке он был лишь восьмым. Ну, теперь только вперед! На второй лавировке «Торнадо» обошел немца и багамца, затем француза…

«Надо следить за Страулино, он лидирует, главное не прозевать его маневр!» — решает Тимир.

Сосредоточив все внимание на итальянце, он пропустил рывок Паркса, и тот успел повернуть раньше. С отрывом в полкорпуса, одна за другой финишировали три яхты. Паркс второй, «Торнадо» третий.

Теперь уже Тимир и Федор поздравляли итальянцев с победой. Но те совсем не радовались успеху.

— Паркс подал протест, — мрачно говорит Роланди. — Говорит, будто мы задели гротом его мачту… Если нам не засчитают гонку, то мы не попадем даже в десятку… Вы же проходили рядом, все видели… Разве это так?..

Тимир вспомнил вторую гонку, когда итальянцы не уступили ему дорогу.

«Парксу пришлось сбавить ход, чтобы избежать навала, — подумал он про себя. — Вы, ребята, не любите играть честно».

— Мы будем протестовать, но у него есть свидетели, — продолжал Роланди. — Сплит и Ноульс выступают на его стороне… Вы ведь находились ближе, чем они. Подтвердите, что мы не нарушали правил...

Яхтсмен обязан соображать быстро.

«Если итальянцам впаяют баранку, а победу отдадут Парксу, то он выйдет на третье место, — моментально прикинул Тимир, — и в оставшихся гонках сможет бороться за золото… А если выигрыш оставят Страулино, то у него появится шанс на бронзу, не больше… Ну что ж, поможем друзьям».

Четыре часа просидел Тимир в апелляционной комиссии вместо того, чтобы отдыхать после гонки. Искали Ноульса. В конце концов, Паркс забрал свой протест. А багамец так и не объявился.

— Ноульс испугался, пронюхав, что вы выступаете за нас, — шепнул Роланди Тимиру.

— В общем, касания, может, и не было, — говорил Паркс, пожимая руку Страулино. — Но я из осторожности сбавил ход… Это Сплит сказал, что видел удар, и багамец тоже, ну я и завелся… К тому же газетчики выводят меня из себя… Пишут неведомо что… На днях меня сравнили с красивым, но не говорящим попугаем… Клянусь, черт возьми, я разыщу этого писаку!..

Короткой ночью опять пришли кошмары. «Мероп III» шла на таран. До утра итальянцы гонялись за «Торнадо» по всему заливу. Уходя от погони, Тимир взял курс на Босфор, затем моментально перенесся на Каспий, стремительно промчался вверх по Волге и только в родных болотистых водах Клязьменского водохранилища почувствовал себя в безопасности.

На следующее утро зарядил дождь. Ветер резко менял направление, переходя в шквал. Стартовое судно блуждало между знаками. Старт откладывался.

— Помокнем сегодня, Федя.

— Не впервой, Тима, — отвечает Федор, — хорошо, что снега нет покамест…

Наконец ветер установился, и дали старт.

И снова Тимир не полез в толчею яхт, снова пропустил всех вперед. Ветер метался из стороны в сторону — успевай только поворачиваться. Когда же Тимир смог, наконец, оглядеться, то увидел, что с подветренной стороны у него идет Марио Кина.

«Опять этот дьявол!» — испугался Тимир, травя грот и пропуская вперед югослава и венгра.

На верхнем знаке Страулино был первым, между ним и Торнадо виднелась всего одна яхта Ноульса. На второй лавировке соперники пошли левым галсом, а

Тимир все тянул и тянул правый, надеясь, что сейчас вон из-за той черной тучи дунет свежий ветерок и понесет его к победе. Но ветер сыграл с ним в этот раз злую шутку… На последней лавировке вперед вырвался Марио Кина, а «Торнадо» обошли Паркс и Ноульс. Страулино финишировал вторым, «Торнадо» — пятым… Но ведь это победа! По сумме всех гонок они первые! И это уже окончательно! Даже если они не выйдут завтра на старт — это ничего не изменит. Никто не сможет опередить их.

— Тима, победа! — кричит Федор.

Тимир кивает, словно многотонный груз падает с плеч… «Что это — шторм, или кружится голова, сказались бессонные ночи, напряжение, усталость… все кончено, выиграли, победа, неужели все?.. все, золото, у них золото, первое олимпийское золото… Победа, красная звезда на парусе, кремлевские звезды, отцы и братья проливали кровь… Мы взяли, мы взяли…»

Ночью опять не было сна. Но теперь уже не от волнения перед гонкой. Слезы текли из глаз Тимира, слезы нечеловеческой усталости, слезы счастья, слезы победы и непередаваемого восторга…

А на следующее утро, тихое и солнечное, «Торнадо» вновь вышел в залив. По пути к старту советскую яхту приветствовали как победителей. Зрители с пароходов и катеров махали им флагами. А Тимир желал успеха великому Страулино, у того еще сохранились шансы на бронзу, а если сильно повезет, он мог бы побиться за серебро с Марио Кина.

«Пусть теперь он меня боится, — посмеивался Тимир, выискивая среди других яхт «Ма Линдо» португальца. — Проучим наглеца!»

Пришел черед португальца носиться как от чумы от «Торнадо». На всю жизнь он запомнит эту последнюю гонку.

«Где же Страулино? Он идет мористее всех… Рискует. Значит, хочет взять серебро… Без риска не победить... Но береговые яхты идут быстрее… Вот тебе и знаток Неаполитанского залива…»

Следя за маневрами итальянца, Тимир совсем потерял ход и едва не столкнулся с кубинской яхтой. За что Федор отругал его немилосердно сурово, по-морскому…

«Он будет во второй десятке, — сокрушался Тимир. — Может, еще не все потеряно? Кажется, ветер пришел к нему в паруса…»

«Мероп III» и в самом деле обошла одну за другой несколько яхт.

«Может быть, дотянет до четвертого места? Тогда возьмет бронзу. Но как же?.. “Торнадо” ведь идет на пятом!»

На финише Паркс был первым, Кина — вторым, «Торнадо» вновь пятый, Ноульс — шестой, а Страулино? — только седьмой… Нет, не видать ему бронзовой медали…

А вечером состоялось награждение. На набережной Неаполя, при волшебном свете прожекторов Тимиру и Федору вручили золотые медали.

Сашка на «Финне» взял серебро. И это тоже большая победа.

Ночью к Тимиру вернулся сон. Ему снился отец, снилось священное дерево Кудук, будто он снимает с себя золотую медаль и вешает ее на протянутую ветвь.

— Спасибо, дух тайги, покровитель охоты, спасибо за ветер, за победу и за верного надежного друга...

На следующий день газеты и журналы пестрели заголовками.

«Мы видели, как медленно угасает капитализм! — писал американский журнал “Newsweek”. — Советский Союз впервые завоевал золотую олимпийскую ме-

даль в парусном спорте — традиционной забаве банкиров и биржевиков. Америка осталась без медалей в этом самом “американском” классе яхт. В то время как в США насчитывается почти полторы тысячи “Звездников”, у Советского Союза их только двести. Правда, русские победили на яхте американского производства, а значит все же можно считать, что в их успехе есть частица и нашей победы...»

— Ишь ты, и тут примазались, — смеялся Федор.

«Победа русских — самая последняя вещь на свете, которую мы ожидали!» — приводила слова президента ассоциации яхтсменов «Звездного класса» Стэнли Огэлви другая газета.

«Их победа невероятна! Никто не знает, как они победили. Я сам не понимаю этого…» — говорил известный конструктор «Звездников» Роберт Этчелл.

Больше всех порадовал Тимира отклик американца Паркса, не занявшего призового места на Олимпиаде.

«Везение тут ни при чем, — сказал Паркс. — Просто русский всегда оказывался в нужное время в нужном месте».

Тимир — по-якутски означает «железо». В древности алхимики тщетно искали философский камень, мечтая получить из железа золото, а Тимир добыл его своей победой.

А впереди уже ждали новые испытания: сломанная мачта в Японии, пробитая корма в германском Киле… шторма, палящее солнце, искусные соперники… Но перед каждым новым стартом всегда оставалось только самое главное — облака, горизонт и цвет моря…

Справка:

Тимир Алексеевич Пинéгин (12 июня 1927, Москва — 30 января 2013) — советский яхтсмен, первый чемпион Олимпийских игр по парусному спорту в СССР, победитель чемпионатов Европы и Северной Африки, заслуженный мастер спорта СССР (1960), почётный президент «Фонда возрождения культуры парусного спорта», основатель системы дополнительного образования юношей «Парусная Академия». 16-кратный чемпион СССР: «Звёздный» — 13 титулов: 1953–1962, 1964–1965, 1969.